

Книга «Исповедь детдомовца»

Сложно, практически невозможно вспоминать своё детство. Проживаемые дни, годы, казались в тот период бесконечно долгими. Нестерпимым желанием было как можно быстрее повзрослеть и забыть навсегда этот этап жизни. Стереть из памяти адский ужас и унижения.

Мой Алёшка

В первый раз я влюбилась, когда мне было около пяти лет.

Он был худенький, маленький и болезненного вида.

Звали его Лёша Ростов.

Я его называла мой Алёшка!

У Алёшки была вытянутая овальная голова на тонкой шее, оттопыренные уши, вздёрнутые широкие брови и приоткрытый рот. В ту минуту, когда он улыбался, становился похож на солнышко. Светло рыжие волосы, растрёпанные как лучи и множество веснушек на лице. И только, когда улыбка исчезала, появлялось строгое, даже очень суровое выражение лица, не для ребёнка пяти лет.

Детдомовские мальчишки его обижали. Он не умел постоять за себя, за отобранную игрушку, не умел давать сдачи обидчику и часто хныкал.

Я была рослая девочка, почти на полголовы выше и в два раза крупнее. Решила, что если он мой парень, то больше его никто не посмеет тронуть. Каждый раз, если кто-то Алёшку дразнил или того хуже лез к нему драться – я вставала на защиту своего друга - размахивала кулаками посильнее мальчишек и пиналась ногами. Лёшке я завязывала шнурки, вытирала нос от соплей,правляла рубашку в брюки.

По утрам, после восьми часов, в группу заходила кухонная нянечка, неся огромную алюминиевую кастрюлю с дымящейся кашей. Она была тучная, крепкая женщина, с добрым

лицом, на голове тугая косынка, из-под которой ни видно было ни единого волоска. Я не помнила, как её звали, но широкую улыбку на лице - запомнила.

Запах молочной каши мгновенно распространялся и на спальню, смежную с группой, где в ожидании завтрака, каждый ребёнок сидел, уже умытый и одетый, на краешке своей кровати.

Лёшка любил каши. А я ненавидела и отдавала ему. Меня тошнило при виде жидкой массы с комьями, а Лёшка мой трескал с удовольствием, проглатывая кашу неторопливо, ложкой за ложкой. Взамен он отдавал мне кусочек сливочного масла, уложенный на хлеб, иногда компот из сухофруктов.

Мы всегда ходили вместе в паре, держа друг друга за руки. В паре, когда шли смотреть телевизор в актовый зал, в паре, когда строем вели нас в баню или, когда шли на прогулку.

Гулять водили только во двор и никуда больше. На небольшой игровой площадке находилась песочница и две качели. У качелей выстраивалась большая живая очередь из ребят. Каждый мог раскачаться до десяти раз. Считали всем хором, громко вслух: раз, два... четыре, десять...Свою очередь я отдавала Алёшке и, держась крепко за цепочку, сама раскачивала его и следила за тем, чтобы он не упал. Лёшка казался счастливым, расплываясь в блаженстве и светился от радости как все лампочки, зажжённые по всему детскому дому.

После утренней прогулки нас вели на обед, а после него наступал ненавистный мне - тихий час. Я не понимала тогда смысла в нём. Почему надо спать, когда на улице светло? Лучи солнца пробивали насквозь прозрачные занавески, опускаясь до самого пола. Слышался шум проезжающих машин и разговор людей, проходящих мимо наших окон.

В спальне, где стояло тридцать коек, половина по левому ряду, половина по правому - наши кровати с Лёшкой располагались рядом. Стены спальни окрашены были в светло-зелёный цвет не до самого потолка, а наполовину, остальная часть, побелена. По периметру потолка часто образовывалась паутина, и когда я долго не могла заснуть, следила, как паук проворно перемещался по своей сети, перебирая лапками каждую нить.

Раз в месяц тётя Катя, наша уборщица, шваброй снимала все паутины, а через неделю они опять образовывались. Я тогда и понятия не имела, что пауки, мокрицы и прочие насекомые, жившие вместе с нами – это противоестественно и считалось антисанитарией. Но на тот момент казалось вполне забавным и часто, мы дети, тараканов давили пальцами под всеобщий смех.

Уснуть не могли долго, перешёптывались с Алёшкой, корча рожицы и глядя друг на друга, пересмеивались.

Однажды это не понравилось нашей воспитательнице Зое Николаевне. За глаза мы её называли надзирательницей. Она была мастером жутких наказаний. До распределения в

наш детский дом, воспитательница работала в колонии с трудными подростками, где, видимо, она и научилась не сдерживаться.

В этот раз, подойдя к Лёшке, она грубо скинула с него одеяло и схватив за ухо, повела к окну.

– Снимай трусы, - истошно рявкнула Зоя Николаевна.

Взгляд её наполнился безумством и презрением, изо рта летели слюни, скулы и без того квадратные, расширились.

Алёшка мой покорно стал снимать семейки; так мы называли мальчишечьи трусы на два размера больше, длиной до колена. Как только он их снял, она рывком руки, похожей на клешню, взгромоздила голого друга на подоконник и приказала стоять смирно. Я не смотрела на Алёшку.

Мне было обидно и досадно, что не могу заступиться за него. Сжимала кулаки под подушкой и ненавидела эту тётку ещё больше. Остальные дети от страха укрылись с головой, но в щелочку из - под одеяла подглядывали за происходящим. Воспитательница неистовствовала ещё больше.

Подбежала к Кате Соколовой. Только потому что тапочки вместе не были поставлены, выхватила девочку из постели, раздела полностью и поставила лицом в угол у двери.

Это было самое унижительное, самое мерзкое наказание - голыми у всех на виду.

За два дня, до этого случая, Петю, мальчика с нашей группы, так же раздела догола и повела по длинным коридорам детского дома. Мы называли это «тропой позора». Вслед ему кто смеялся, кто пальцем тыкал, а я закрывала лицо руками, отворачивалась...

Стыдно было.

Зоя Николаевна долго ещё не могла уgomониться, визжала, проклиная нас и оскорбляла.

"Дети выроdkов. Недоразвитые. Будущие уголовники"

Закончился тихий час. Алёшка мой, замёрзший, спустился с подоконника и стал искать трусы, которые куда-то бросила надзирательница. Выглядел он жалко. Тощий, с просвечивающими рёбрами, с полным носом соплей. Подбежав к нему, я накрыла его покрывалом, прижала к себе.

– Алёшка, когда мы вырастем, мы убьём её! Слышишь? Только не плачь.

Уткнувшись мне в плечо, Лёшка, хлюпая носом, соглашался.

Я жалела друга, гладила по голове, вытирая с его щёк слёзы и лепетала утешительные слова.

– Голыш-малыш, – раздался сзади язвительный смех Стаса Полякова.

Стас считался в группе хулиганом и ябедой. Про таких обычно говорят: сила есть - ума не надо! Совершенно не умеющий мыслить, похожий на мартышку, да и выглядел он как

самый глупый мальчик в мире. Поляков всегда докладывал Зое Николаевне о наших нарушениях, был у неё в любимчиках, и та нас наказывала по его доносам.

Лешка мой продолжал всхлипывать.

Меня резко накрыло от злости, и я кинулась на Полякова.

Стас увернулся и первым нанёс удар кулаком по затылку, от которого я присела. Потом с размаху стукнул меня по носу, ещё и ещё раз... Я беспомощно прикрылась, но очередной удар по голове выбил меня из равновесия, и я оказалась на полу.

Лёшка, перестав плакать, смотрел на всё с испуганными глазами. Увидев меня лежащую, его затрясло. С рёвом, не свойственным для себя, он набросился на Полякова. Схватил худенькими ручками обидчика за волосы, пытаясь его от меня оттащить и пронзительно закричал:

– Не трогай её! Не трогай!

Стас изогнулся, нанося удар Лёшке под брюхо ногой, а другой двинул, что было сил по корпусу. Лёшка охнул и опустил на колено.

– Дураки, – почёсывая затылок от боли, промолвил Стас, и отошёл от нас, посчитав, что с нас и так хватит.

Обычно с Поляковым я на равных дралась, но в этот раз он сильнее оказался.

Раз в полгода у нас в детском доме проходили «смотрины». Это когда взрослые приходили выбирать себе ребёнка на усыновление. Всех одевали во всё чистое, причёсывали и сажали на стульчики в один ряд. Руки при этом должны были быть на коленях. Если Зое Николаевне не нравилось кто как сидел, она подлетала со свойственной ей злой гримасой и била палкой-указкой. Поэтому, когда надзирательница проходила мимо, каждый старался сидеть не шелохнувшись. Боялись даже моргнуть. Иногда удар по голове был неожиданным. Это потому, что все сидели по правильному, а воспитательнице на ком-то необходимо было сорваться и для этого она выбирала тех, кто ей больше всего не нравился. Я ей тоже не нравилась. В этот раз удар обрушился на мою голову. Я зажмурилась от боли и сцепила пальцы за край стула.

Дверь отворилась и в группу зашёл статный мужчина плотного телосложения в военной форме с большими звёздочками на погонах. Он был смуглым, с карими глазами, с чёрной шевелюрой и от него приятно пахло одеколоном. Пошёл по ряду, пристально всматриваясь в каждого.

Взгляд его остановился на мне.

– Она!

И, не дождавшись реакции воспитательницы, быстрым шагом направился в мою сторону.

Военный сел на карточки и заглянул мне в глаза.

– Хочешь я буду твоим папой!

Я радостно кивнула.

Он прижал мои кулачки своими огромными ладонями к своей груди и продолжал с улыбкой на меня смотреть.

Чтобы никто не услышал, я нагнулась к его уху и прошептала:

– Заберите меня! Здесь бьют!

Лицо его мгновенно поменялось. Он сурово посмотрел на Зою Николаевну, окинул взглядом всех детишек, обнял меня и вышел.

Ещё несколько раз приходил ко мне, уже со своей женой, приносили гостинцев, гуляли со мной. Удочерить не смогли. Мама моя хоть и отбывала срок, но не была лишена родительских прав.

После первого прихода военного меня надзирательница наказала. Видимо, не настолько тихо я шепнула, что она услышала.

Сначала кинула меня в сушилку - в маленькую каморку с огромными круглыми батареями, где сушились ссанные матрасы и уличная обувь. Часа три там просидела без света, без воздуха. Жарило сильно. Пришлось снять вещи и постелить под себя. Невозможно было распрямиться. Не хватало высоты и сидеть пришлось на корточках. Хотелось пить...

Про меня будто забыли. На какое-то время я отключалась.... А когда приходила в себя, начинала стучать в дверь... Силы покидали.

Наконец меня открыли. Кто-то из детей пришёл положить обувь, а оттуда вывалилась я.

Следующим наказанием для меня стала голодовка. Зоя Николаевна отвела меня в кабинет, заперла на ключ и ушла, не объяснив на сколько. Я сутки просидела там. На подоконнике стоял графин с водой - этим и спасалась. Спать приходилось на двух стульях, составленных рядом.

Алёшка мой меня не забывал. Он как верный друг приносил мне куски хлеба и пихал под дверь. Из столовой ничего нельзя было выносить. Воспитательница всех шманала. Алёшка прятал хлеб в трусы и проходил незаметно.

Мой Алёшка. Он потом долго не уходил. Стоял по ту сторону двери и смешил меня. Я, боясь за него, просила уйти.

– Я твой рыцарь! – восклицал он. – Я не брошу тебя!

Вот такой был мой Алёшка!

Вскоре воспитательницу уволили - прознали об её пытках. Всё-таки место нашей надзирательницы было в колонии с малолетними преступниками, а никак не с нами, с обычными детьми-сиротами. Я не одна была её жертва. Была и девочка с большой лысиной на макушке. Это в очередном приступе ярости Зоя Николаевна на неё вылила кипяток из чайника. Был мальчик со шрамами. Зоя Николаевна забыла его в овощехранилище во время наказания, где его покусали крысы.

Нас с Алёшкой разлучили, когда нам исполнилось по семь лет. Его отправили учиться в самарский интернат, а меня в область.

Прошло много лет, и я сама нашла Алёшку. Училась уже в Ленинграде на реставратора. А он в техникуме, в Самаре.

С волнением ждала этой встречи. Вышел ко мне мой Алёшка другим, изменившимся. Алексеем.

Симпатичный, высокий, широкий в плечах!

Мы с ним проболтали долго, сидя в кафе. Шутили, смеялись, вспоминали нашу надзирательницу.

При расставании, на платформе железнодорожного вокзала, когда мой Алёшка нагнулся меня поцеловать, в его глазах я увидела те же самые слёзы детства, слёзы моего преданного маленького друга.

Лягушонок

– Не толкаемся. Хомяков, возьми за руку Свинцову. Где Митрофанов? Вижу. Проскурина, ты высокая, встань в конец очереди. – раздавала приказы воспитательница Светлана Борисовна, выводя нас на утреннюю прогулку.

В детском доме Светлана Борисовна появилась по направлению из педучилища.

Молодая, с чёрными как смоль волосами, с пухлыми губами накрашенными алой помадой и с выразительными зелёными глазами, она похожа была чем-то на мою маму, такая же маленькая и худенькая.

Несмотря на то, что Светлана Борисовна разговаривала повелительным тоном, голос её был бархатным и нежным. И как бы она не демонстрировала свою строгость, все знали, что это временно: сдержанный и даже немного высокомерный взгляд сменялся на добрый и приветливый.

У каждой группы была своя территория для прогулок - беседка с лавочками и песочница. В песке я ковыряться не любила, чтение книги Светланы Борисовны в беседке - тоже, поэтому гуляла сама по себе.

Мне нравилось в траве разглядывать всякую живность.

Муравьи длинным строем суетливо неслись к своему жилищу, в насыпной почвенный холмик – муравейник. Я подкидывала им соломинку, они разом её подхватывали и неслись дальше. Иногда выискивала среди колонны самого огромного муравья, хватала за голову, а брюшко, или как по- другому называли, попку, засовывала в рот. Кислая-прекислая попка. Ёжилась, передёргивалась от кислоты, но терпела единственный способ лакомства.

С мальчишками, бывало, ловили лягушек. Я брезговала их брать в руки и к тому же слышала, что из-за этого могли образоваться бородавки.

Вовка Михайлов, заядлый живодёр, через соломинку надувал лягушку как шарик и выбрасывал обратно в траву; ящерицы после его отлова оставляли свои хвосты, а кузнечикам отрывал задние лапки, после чего дико хохотал.

Однажды я не выдержала очередного издевательства Михайлова над бабочкой, которой он обстриг крылья стеклом, где-то подобранным, и врезала со всего маху по шее. Вовка застонал от боли, почёсывая ушибленное место, но не полез драться. Боялся.

На очередной прогулке, уединившись от всех, я разглядывала симпатичных жуков красно-чёрного цвета. Солдатиками назывались. Они, как и муравьи, передвигались большим скоплением.

– Ирка, смотри что у меня.

Радостный Васька Щеглов, подбежавший ко мне сзади, раскрыл ладошки, а в них - маленький лягушонок.

– Он кушать хочет. – поделился Васька. – Даже не квакает

– А чем лягухи питаются? - спрашиваю.

– Насекомыми. – со знанием дела отвечал Васька. – Букашками, таракашками.

– А солдатики пойдут?

– Наверное.

Я быстро нагнулась к земле и схватила первого попавшегося красноклопика.

Вася, держа лягушонка в одной руке, второй помогал раскрывать ему рот. Одного, второго... и так пятерых жуков закидали в лягушачью пасть, пока брюхо не стало полным и толстым. Решив, что лягушонок сыт, мы выпустили его на волю.

До окончания прогулки оставалось мало времени, Светлана Борисовна извещала об этом заранее, чтобы мы далеко не разбегались.

Простукивая палкой металлические решётки забора и наслаждаясь необычными звуками, я почувствовала что-то твёрдое под ногами. Посмотрела вниз, а там лягушонок.

Он лежал, распластавшись на спине без признаков жизни. Нагнулась к нему, тронула пальцем. Лягушонок не шевелился. Взяла на руки - оказался мёртв. По телу пробежала мелкая дрожь. Страх убийства за лягушонка постепенно наполнял моё сознание. Вспомнила как запихивала в него жуков и стало безумно страшно. Страшно, что за преступление арестуют, а Васька Щеглов обязательно расскажет милиционерам, что это моя инициатива была отравить лягушку.

Огляделась по сторонам. Дети собирались уже в пары на обед.

На четвереньках, чтобы меня никто не заметил, поползла в сторону деревьев. Спряталась в самую гущу листвы и оттуда стала следить за происходящим. Сколько предстояло сидеть там – не знала – на тот момент, это место, мне казалось, надёжным тылом.

«Не хочу в тюрьму. Я не убивала его. Только покормить хотела» – кричала я внутренним голосом».

Размазывая грязной рукой лицо от слёз, услышала, как группа вместе с воспитательницей выкрикивают моё имя. Звали громко, протяжно. Взгляд Светланы Борисовны вызывал испуг и растерянность. Она поправляла с лица растрёпанные волосы и заметно нервничала. Жалко стало. Понимала, что подвожу её, но больше я боялась приезда милиции. Представляла, как у всех на глазах наденут наручники и увезут в самую страшную тюрьму на свете, где пытаться и бить будут хуже, чем при режиме Зои Николаевны.

Началась беготня возле детского дома взрослого персонала. Нянечки, охранник, медсестра и даже повар тётя Зина – все меня искали. Дети, сбившись в кучку, стояли в беседке.

На крыльце главного входа скопились воспитатели из соседних групп. Они о чём-то переговаривались между собой, и только редкие обрывки фраз доносились до меня: «Говорила директору, что дырка в заборе», «сбежала», «пусть милиция ищет».

И милиция приехала. Кто-то вызвал её.

Долго меня не искали. Милиционер с тремя полосками на погонах, сержант, почему-то сразу же направился к деревьям, где я пряталась и вывел меня зарёванную к воспитателям. Светлана Борисовна кинулась меня обнимать, а старшие воспитатели с укоризной в её сторону; мол, молодая ещё, без строгости и опыта, а девку выпороть надо.

Сержант строго посмотрел в сторону воспитателей. Те мгновенно замолчали.

– Ты чего надумала в прятки играть? – обратился он ко мне.

– Я лягушонка нечаянно убила. Накормила солдатиками и он умер. – серьёзно объяснила сержанту. – Простите меня. Я не хочу в тюрьму.

Светлана Борисовна заулыбалась. А милиционер ласково потрепав меня по голове, шутливо произнёс:

– На первый раз прощаем. Старайся больше не убивать никого.

– Не буду – утвердительно вымолвила я и побежала к ребятам, которые ждали меня у беседки.

С тех пор, до самого отъезда из детского дома, никакими насекомыми и земноводными я не увлекалась.

Сложно, практически невозможно вспоминать своё детство. Проживаемые дни, годы, казались в тот период бесконечно долгими. Нестерпимым желанием было как можно быстрее повзрослеть и забыть навсегда этот этап жизни. Стереть из памяти адский ужас и унижения. Лишь по прошествии времени пришлось осознать сущность испытаний, свалившихся в те годы на меня, тогда ещё не полную сироту, попавшую в детский дом при родной матери.

В детдоме я считалась трудным ребенком и, для шестилетнего возраста достаточно амбициозной и целеустремлённой. Я не только умела читать и писать, но и была физически сильнее своих ровесников.

Внешность моя была не славянская: смуглая кожа, широкий нос с раздутыми ноздрями, огромные чёрные глаза, мелкие кудряшки. Меня обзывали то негром, то цыганкой. Ужасно страдала от этого и ненавидела обидчиков, а больше всего злилась на маму, которая родила меня от отца-иммигранта. Особо настойчивым задирам приходилось давать отпор кулаками. Это было время «сам за себя»! Нельзя жаловаться, ныть, нельзя показывать слабость. «Выживешь» - если ты сильный. Без разницы, сколько тебе лет!

В интернат по распределению я попала сразу после детского дома. Нас, пятерых детей, привезли из небольшого посёлка в провинциальный городок Самарской области. Одинаково одетых: в сереньких колготках, в сереньких платьях, на мальчиках серые пиджаки и тяжелые кожаные ботинки. Выглядели, как мышата.

Женщина, которая нас сопровождала, была работником администрации поселка. Приказным тоном она попросила обождать в фойе, а сама пошла искать директора.

Мимо по коридору проносились старшеклассники, оглядывая нас, смущенных и неуверенных, с усмешкой.

С каждой минутой я нервничала больше и больше, жалея о своём приезде. Боялась незнакомого места и новых людей. Хотелось вернуться в детдом, где все было привычным. Кроме того, тут были дети гораздо старше.

Взрослый белобрысый пацан подошёл к нашей группе. Держа руки в карманах брюк, он противно ухмылялся. Сразу стало понятно: сейчас что-то случится.

Увидев меня, он радостно и громко, чтобы все слышали, спросил:

– С Африки? Тебя мама под пальмой родила?

И тут же разразился язвительным смехом. Собралась толпа. Из таких же мальчишек. Указывая на меня пальцем, они истошно ржали. Я старалась не смотреть на них, еле сдерживая слёзы.

Наконец-то подошла наша провожатая с директором и нас увели в кабинет.

Второй день оказался не менее мучительным.

После завтрака нас, первоклашек, разбитых по парам, вывели из столовой и направили в класс, где ждал учитель. Вдруг кто-то резко схватил меня за шиворот и выволок из строя. Я узнала знакомый смех и голос. Это был Слава Копылов, девятиклассник, гроза школы. Его в интернате боялись многие. И даже учителям и воспитателям с ним было нелегко.

Первая попытка вырваться не удалась – пробежать смогла лишь несколько метров. Рассвирепевший Копылов легко настиг меня и потащил в конец здания, к кладовым, где никогда никого не было. Прислонил к стенке, и, держа одной рукой за волосы, другой стал наносить удары в живот. Это была невыносимая боль. Жгучая, пронизывающая, резкая. Не хватало воздуха, я задыхалась. Медленно сползла по стене на бетонный пол. Не кричала, не звала на помощь, тихо плакала. Копылов схватив меня за шиворот, велел подниматься. С трудом, преодолевая боль, я встала. Тело всё трепетало и ныло от ударов. Славка поднёс кулак к моему носу.

– Никому не говори, – прошипел он мне в лицо, – иначе будет хуже.

Воспитательница Федосия Николаевна после моего возвращения в класс подозвала к себе.

— Что с тобой случилось? – вглядываясь в моё зарёванное лицо, спросила она. – Тебя не было на первом уроке.

— Упала... с лестницы... — выдавила я и не спеша, чувствуя ещё боль в животе, прошла к парте.

Воспитательница с недоверием посмотрела мне вслед, но промолчала.

Прошло несколько дней после этого инцидента.

Во время обеденной прогулки, когда наш класс играл на дворовой площадке, я с двумя девочками побежала смотреть футбол. Поле, на котором играли интернатские мальчишки против «домашних», так называли ребят, живущих с родителями, — было в ста метрах от школьного двора. По пути я увидела идущего навстречу Копылова. Ничего не объясняя одноклассникам, пустилась бежать прочь. От страха мне казалось, что бегу со скоростью света. Ногами я перебирала так быстро, что не ощущала земли. В голове отстукивало: «бежать, бежать, бежать...» Дыхание прерывалось.

Поймал. Схватил за волосы, нагнул голову назад и по очереди, сначала в один, затем в другой, стал плевать в глаза. Правильнее выразиться, харкать, как верблюд, выдавливая из себя слюни с характерным звуком.

– Нигер, – мерзко хохотал Копылов.

Уже не плакала — старалась не плакать, интуитивно, понимала, что слабым Славке нравилось обижать больше.

Месяца через три могла убежать от Копылова на приличное расстояние, хотя всё равно догонял и продолжал издеваться. Бег мой походил на бег антилопы, которую преследует хищник.

Ближе к лету Славка впервые потерпел фиаско. Маленькую, худенькую - меня уже было не догнать.

В лагере, куда отправили после завершения первого класса, меня заметил тренер по лёгкой атлетике. На тренировку я пришла самостоятельно. Воспитанников набирали в секцию с десяти лет, а мне на тот момент было почти семь. Поначалу тренер не хотел меня принимать, но из-за моего упрямства и огромного желания бегать, разрешил мне встать на беговую дорожку со старшими ребятами.

Дали старт. Резко оттолкнувшись от земли, я понеслась. И опять в ушах звенело, опять не чувствовала земли, я бежала так, будто за мной нёсся Копылов.

Финишную черту пересекла первой.

Тренер сказал, что скорость у меня необыкновенно высокая для такого возраста и что в будущем я стану хорошим спринтером!

Позже я стала кандидатом в мастера спорта. Становилась неоднократной победительницей города в беге на 60 м, 100 м.

А когда спрашивают, кто был моим первым тренером, с иронией отвечаю: Славка Копылов и мой страх перед ним.

Танька

Прошёл год моего пребывания в интернате.

Не скажу, что привыкла.

Это – как принять должное, смириться и постепенно вживаться в новую не особо счастливую, но зато насыщенную яркими, незабываемыми событиями, жизнь. И пусть в интернате никто нас не баловал изобилием дорогих игрушек, выбором вкусной еды, разнообразием в одежде и внеклассных занятий - интернат для каждого по праву считался частичкой одной большой семьи. А в любой семье, как мы знаем, случаются разные ситуации.

За день до новогоднего утренника ко мне подошла Таня Антонова. Я у неё была подшефной.

К каждому малышу прикреплялся восьмиклассник. Роль шефа заключалась в заботе о младшем, в помощи ему с уроками и присмотре.

На деле это выглядело немного иначе.

– Вынесешь мне подарок к спальне. Буду ждать тебя там в три часа, – приказным тоном сказала Таня.

Подарок – это новогодний гостинец из сладостей: много карамельных конфет, ещё больше шоколадных, пачка вафель и печенья; иногда мандаринку положат.

И всё это я должна отдать Таньке Антоновой.

Лишить себя радости долгожданного праздника, и возможности вдоволь насытиться этими конфетами.

В обычные дни в интернате их редко увидишь.

Иногда приходила к кому-нибудь из одноклассников посылка от родителей и то конфеты там были, в основном «подушечки» или, как их ещё называли, «дунькина радость» – маленькие такие, внутри с повидлом. Эту начинку смаковали, как можно дольше, пока не растаивала полностью во рту, а саму карамельную основу перекатывали с одной щеки на другую, растягивая, тем самым, удовольствие. Шоколадную конфету мусолили по кругу. Вставляли в кольцо и передавали её из рук в руки, облизывали с одного конца, а второй конец, держа в фантике, как бы служил мерилom. Счастливчик был тот, кому последним удавалось её запихнуть в рот.

Наступил праздник Новый год.

Наш класс, вместе с воспитательницей, готовился к нему с особой тщательностью. Кто-то разучивал стихи; тот, у кого был голос, — пел; а кто имел хоть какие-то актёрские способности — выступал в сценках, похожих на короткие театральные постановки. Я ничего из этого не предпочитала, не любила публичности. Лучше выступлю на каких-нибудь соревнованиях, где публика, сидящая на трибунах, не в близкой доступности, закину гранату на призовое место, установлю очередной рекорд в беге на короткой дистанции.

Валентина Григорьевна, наша воспитательница, всегда меня упрашивала рассказать хотя бы стихотворение.

– У тебя хорошая память, учи, — и всучивала текст в руку.

На сцене, при виде присутствующих в зале, у меня моментально кружилась голова; лица ребят троились; я покрывалась испариной, голос предательски дрожал. Запиналась на половине стиха, начинала робко заново. В такие моменты хотелось провалиться от стыда: в пол, сквозь землю, ниже земли — в мантию, и да хоть во внутреннее ядро. Лишь бы не испытывать этот позор.

И вот уже все отвыступались и начинается главное действие – хоровод возле ёлки и выход Деда Мороза.

Дедом Морозом у нас обычно был Вадим Валерьевич, учитель географии. На худощавое тело ему приходилось надевать под основной костюм ещё пару свитеров. Ватная борода

постоянно сваливалась, а из-под неё высывались жгучие чёрные усы. Во рту блестел золотой зуб.

Вадим Валерьевич считался самым терпимым из преподавателей и относился к нам, ученикам, по-доброму.

Никогда никого не выделял, ко всем имел одинаковое отношение. Я не помню его раздражённым. Голос у него был мягким, вкрадчивым, много шутил и называл нас – други мои. На его уроках было всегда интересно: помимо школьного материала, давал много дополнительной информации, принося из дома личные книжки и журналы. Чёлку он смешно зачёсывал назад, на просвечивающую лысину, поправляя её каждый раз, когда она спадала.

В костюме Пьеро: в белой рубаше со слишком длинными рукавами, в высоком колпаке, – я выглядела грустной и меланхоличной, как персонаж самой сказки, страдающий постоянно от своих неразделённых чувств к Мальвине. Единственно, пожалуй, что отличало меня от настоящего Пьеро, так это полное безразличие к бегающей вокруг меня Ирке Панфёровой, переодетой в эту героиню, игравшую свою роль с удовольствием.

Вдобавок страдала я от неприятного приближающегося момента - Таньке отдать подарок. Лицо моё излучало скорбь и уныние - настоящее лицо Пьеро.

Настал момент раздачи подарков.

Вадим Валерьевич, сняв большую меховую перчатку, залезал в огромный мешок, усыпанный блёстками, доставал оттуда коробки конфет, в виде сундучка и клал в вытянутые руки каждому подходившему ребёнку.

Я, неохотно, без видной радости, приняла подарок и направилась из зала.

Антонова ждала меня у выхода - раньше запланированного уговора.

– Пошли вниз, – полушёпотом сказала она, отворачивая голову, чтобы никто не мог заподозрить её намерения.

Спускаясь по лестнице, понимая всю обречённость своего положения, но ещё рассчитывая на великодушие Тани, я обратилась:

– Можно хотя бы три конфетки возьму?

Вместо ответа, получила оплеуху по затылку и пинок в спину.

С огромной обидой на Антонову, пустилась бежать вниз, перепрыгивая через две ступеньки, с подарком, прижатым к груди. Таньке не составило большого труда настигнуть. Припёрла меня в угол лестничного проёма и потянулась за коробкой, которую я не выпускала из рук.

– Страх, дура, потеряла? – с этими словами она локтем упёрлась в моё горло, а другой рукой схватила за подарок.

– Не отдам. Это моё, – не отступала я, хрипя от боли.

Антонова ещё сильнее потянула на себя подарок.

Началось долгое и утомительное препирательство, в результате чего сундучок выпал из моих рук, разорвался и оттуда высыпались конфеты.

– Что ты наделала, коза? – выругалась Танька. – собирай, а то вмажу.

Я покорно опустила на корточки. Танька оттопырила свой карман, подпихивая меня несколько раз ногой. Среди разбросанных сладостей, я увидела самые мои любимые – «мишка на севере». Не сдерживая свой безотчётный порыв, и не думая о последствиях, смело, при Антоновой, развернула быстро конфету и закинула в рот.

Но вкусить шоколадного наслаждения не удалось. Через мгновение, почувствовала сильный удар по спине танькиным кулаком. Конфета целиком вылетела из рта на каменный пол. Разозлённая моим сопротивлением, Танька наступила на конфету и бешено стала растирать её своей туфлей. Коричневые разводы от шоколада и разорванный в клочья фантик, меня также привели в ярость. Я резко вскочила и, головой своей, совершенно неосознанно, нечаянно, ударила Таньку в подбородок. Раздался громкий крик. Танька схватилась обеими руками за лицо и, сквозь её пальцы, я увидела просачивающуюся кровь. Затем она от боли стала подпрыгивать, как жеребец. Тело её вскоре согнулось, и Танька упала на колени, продолжая стонать ещё громче.

«Язык оторвался» – подумала я, и сердце моё наполнилось страхом. Никак не ожидала увидеть

Таньку в таком беспомощном состоянии. Нагнулась к ней, дотронулась до плеча.

– Таня, прости. Я случайно. – подумав немного, добавила. – Пошли в изолятор.

Казалось, что Танька больше не сможет разговаривать и её выпрут из школы в другую, для глухонемых, по моей вине. Угрызения совести мои росли по мере её нарастающих воплей. Приготовилась мысленно к тому, что сейчас, когда чуть утихнет боль, она меня ударит и поэтому на всякий случай, отсела подальше.

Неожиданно, она протянула мне свою, перепачканную в крови, руку. Я взяла её, нисколько не брезгуя и не спеша, под всхлипывания раненой, направились к Марии Ивановне, к врачу, который работал при интернате.

Изолятор состоял из трёх комнат. Одна маленькая — кабинет врача, а две большие – спальные боксы для больных. Каждый из воспитанников рвался туда попасть: не учишься; дрыхнешь, сколько хочешь; еду тебе доставляют на подносе и не надо стоять в очереди у столовой, где в ожидании открытия дверей, тебя всего изомнут и отобьют ноги.

Мария Ивановна, полностью седая, в годах женщина, при виде Таньки, резко придала лицу серьёзность. Схватила со стола медицинские перчатки и стала проводить осмотр. В этот момент меня, наверное, больше трясло, чем Таню. Боялась, что за такое преступление могут сильно наказать, вплоть до исключения из школы. По разговорам многих ребят, в других интернатах было хуже, чем в нашем. И поэтому я ждала вердикт врача с нетерпением.

Если бы Мария Ивановна сказала, что с Таней всё плохо, язык, к примеру, надо пришивать и срочно госпитализировать – мне бы была «хана». Так мы выражались, когда пришёл конец чего-либо.

– До свадьбы доживёт – выговорила, наконец-то, Мария Ивановна, обмазывая язык пострадавшей каким-то раствором.

Танька скорчила гримасу, видимо, щипало во рту.

У меня сразу же отлегло от сердца.

– А у тебя что болит? — обратилась ко мне врач.

Я покраснела, опустила голову.

– Ничего.

– Витамины не дам. Ты уже подходила на неделе, – продолжала Мария Ивановна.

Выйдя из кабинета, я и Таня, направились по длинному коридору в классы, она – в свой; я – в свой.

На полпути, старшеклассница меня остановила. Я сжалась от страха, чуть прикрыв глаза. Сейчас от души приложится.

Танька, боясь ещё за свой травмированный язык, стала что-то мычать.

Я посмотрела на неё несмело исподлобья.

Засунув руку в свой карман, Таня вытащила конфеты, протягивая их мне. Всё ещё испытывая напряжение и чувства вины, я пролепетала:

– Спасибо, Таня, кушай сама! На следующий год отдам тебе весь подарок!

Она хмыкнула, мотнула головой, раскрыла мой карман на платье и высыпала туда конфеты.

Я, ещё раз поблагодарив Таньку, пустилась бежать в класс.

Очередное испытание

День выдался скучным. В игровой группе, где класс обычно проводил свободное время, стоял привычный шум одноклассников и доносившиеся окрики Валентины Григорьевной, делавшей в очередной раз кому-то замечания. В ограниченном помещении долго я не могла находиться - утомлялась попросту - и поэтому не отпрашиваясь у воспитателя, пошла бродить по интернату. Узкие коридоры стен, выкрашенные в зелёный мрачный цвет, с облупившей краской по низам и с обшарпанными плинтусами, на меня действовали угнетающе и с давленной тоской. Хотелось бежать куда глаза глядят - да некуда.

Зашла в библиотеку. Посидела немного в читальном зале, пролистала с безучастным видом несколько журналов и вышла. Библиотекаря даже не посмотрела на меня - я у неё постоянный посетитель и моему приходу не удивлялась.

На улицу не тянуло. Лил дождь и слышно было как завывал ветер через полуоткрытую форточку. Села правым бедром на подоконник, подправив под себя юбку. Сквозь дождевую штору не удалось рассмотреть вид с окна, мысли не настраивались, а вот настроение окончательно испортилось. Еле дождалась ужина, чтобы быстрее уйти в спальню, накрыться до ушей одеялом, чтобы никого не видеть. Так я погружалась в мир фантазий и грёз. Единственные моменты, которыми я наслаждалась в одиночестве, несмотря на то, что в спальне девочки продолжали резвиться. В этот раз мечтала о красивом школьном ранце, наполненном канцелярскими товарами из тетрадок, ручек и, конечно же, пеналом. В интернате всего этого не было. Приходишь в класс - учитель выдаёт тетрадки, а учебник лежит на краю парты, весь разрисованный и проколотый, с мятыми страницами.

В девять вечера в спальне практически всегда было тихо. Готовились ко сну.

Ночная нянечка тётя Дуся делала обход и проверяла все ли в порядке. Она была немногословной. Даже иногда не здоровалась с нами. Пробухтит изредка что-нибудь, посчитает нас по головам и выходит.

В этот раз всё было как обычно.

Тётя Дуся пришла, поохала, что полы в разводах, что в тумбочке у Ленки Пируновой бардак из-за мотков шерстяных ниток, от чего дверца не закрывалась, указала на неряшливо висячие полотенца на спинках кроватей и вышла.

Прошло время, уложив поудобнее голову на подушку, я погрузилась опять в мечты, не закрывая глаз.

Тишину нарушил топот шагов. Включился свет. Перед нами стояли старшеклассницы из девятого класса. Пятеро девчонок.

Я тогда училась в третьем классе.

– Сегодня, салаги, будем вас проверять на физическую выносливость, – с усмешкой в голосе объявила Валька Рыжова, самая дылдообразная из вошедших, и рывкнула в конце. – Встать!

Мы быстро повскакали с кроватей.

Рыжова подмигнула подружкам и разразилась громким смехом.

– Вот так надо властвовать и действовать.

Обращаясь уже к нам командирским тоном, выпалила:

– В одну шеренгу становись. Руки вытянуть вперёд.

Обходя наш строй, она каждому из нас укладывала подушку, которые подавали её подружки. В интернате таких "шестёрками" называли.

В таком положении простояли несколько минут. С подушками на вытянутых руках. Рыжова решила удвоить нам нагрузку и приказала приседать. Шестёрки вслух считали. Я начала с размеренного темпа. Силы надо было правильно расходовать. Это мне как-то тренер мой подсказал.

В спальне, кроме насмешек девятиклассниц, слышался хруст коленок и тяжёлое дыхание. При счёте пятьдесят – началось хныканье и падение обессиленных девчат на пол. Старшеклассницы подбегали и заставляли дальше приседать. Кого заставить не могли, избивали и ставили на колени к стене.

Рыжова подошла ко мне и Жаннке, к самым выносливым, после того как все сдались.

– Не устали? – спросила ехидно.

Тупое лицо Вальки выражало, да, пожалуй, ту же тупость и ненависть, ну ещё превосходство над нами. Но ещё больше ненависти было у меня к ней. Хотелось врезать по наглой отвратительной роже, по прыщам, по широкому носу на пол лица.

Ноги дрожали. Усталость сказывалась.

– Пощады просите – не унималась Валька.

Не понимала, откуда во мне тогда было столько гордости и смелости. Понимала одно – не сдамся, даже если придётся сдохнуть. И уж тем более у этой дуры пощады просить не собиралась.

И пришлось терпеть.

Подушки убрали и вместо них старшеклассницы положили нам на руки по ватному матрацу, скрутив их туго. Когда Валька произнесла: «Десять» - ни рук, ни ног мы уже не чувствовали. Рыжова отвела меня и Жанну к шкафам и каждой отвалила порцию подзатыльников и пинков.

Не знаю сколько бы продолжались эти издевательства и каким было бы следующее наказание, но на наше спасение ворвалась в спальню тётя Дуся и принялась хлестать старшеклассниц полотенцем. Увёртываясь от ударов, Валька со своими одноклассницами бросилась бежать.

– Ну суки поганые, сейчас вы у меня попляшете. Я вам покажу как беспредельничать. Твари нечеловеческие. – кричала с надрывом тётя Дуся убежавшим.

Ещё долго нянечка сокрушалась, грозила «фашисток» наказать.

– Я так это не оставляю.

Такой возбуждённой и разговорчивой мы её не видели. Чуть успокоившись, тётя Дуся велела навести порядок в спальне, проверила всех на целостность: руки-ноги на месте, волосы на голове не выдраны, уши не оторваны

– Синяки пройдут - успокоила нас. – Ложитесь. Больше не тронут вас. Обещаю.

Ноги мои настолько были ватными, что не передвигались и пришлось на четвереньках ползти к своей кровати. Руки в запястьях болели адски.

Тётя Дуся помогла мне улечься, укрыла одеялом, и я увидела во взгляде, всегда мрачной необщительной нянечки, доброту и сострадание. Она слабо мне улыбнулась и, как бы стесняясь своих чувств, спешно отвернулась. На следующее утро мы узнали, что банду Вальки Рыжовой вызвали к директору.

Больше их у себя в спальном комнате не видели.

А ноги мои болели ещё долго.

Кастелянша

В младших классах мечтала поскорее повзрослеть.

Ненавидела интернатские вещи, в которые нас одевали: колготки растянутые, перештопанные разноцветными нитками на пятках и с прозрачными коленями. Постоянно приходилось поправлять их, когда они спускались. Идешь, к примеру, по школьному коридору и дёргаешь себя вдоль талии будто чесоточная.

По-дурацки смотрелись плиссированные юбки серого цвета с красной каймой. Их я больше всего не могла терпеть. Длина – как у бабушек, широкие, сверху резинка, а если ещё и сандалии к ним, то вообще срам. Кофты, платья - все одного фасона и цвета.

Раз в месяц мы, всем классом, выходили в город на культурное мероприятие.

В кино разрешалось одеться попроще - "что есть", а в театр требовали надевать школьную форму – парадно-выходных платьев не имелось.

По Советской улице, а это главная улица в нашем маленьком городке, шли, разбившись по парам, строем. Воспитательница во главе, а староста класса сзади.

Со всех сторон летело: «инкубаторские идут!»

Это про нас. Одинаково одетых...

В интернате склад для вещей назывался «кастелянной». Огромное помещение с тусклым светом, заставленное шкафами и полками. В шкафах размещалось постельное бельё, а по полкам сложены были платья, рубашки, отдельно трусы, отдельно майки, носки и прочее.

Грязные вещи складывались в отдельный большой мешок, который после наполнения, отправлялся в прачечную.

В кастелянной всегда стоял терпкий запах хозяйственного мыла и полусырого белья. Каждую пятницу, не чаще, ты мог туда прийти и поменять ношенные вещи на стиранные.

Кастелянша Татьяна Петровна была вредной тёткой. Большая бородавка располагалась у неё прямо на носу и портила её, делая похожей на бабу-ягу. Как-то зимой я, забыв о бородавке, подсказала ей вытереть вытекающую из носа соплю, и с тех пор мы враждовали.

– У тебя платье ещё свежее, – бурчала недовольно она. Разворачивала меня и выгоняла из кастелянной.

В следующий раз, если неделю ходила аккуратно, приходилось специально ставить пятна на платье или обливаться компотом.

Не особо приятной процедурой было менять при ней трусы. Она всегда зорко за тобой следила, потому что считала нас всех воришками.

Ну, было дело...

Иногда прихватывали лишнее, одевая на себя по двое-трое трусов. Нам, малышам, воспитатели не особо разрешали стирать самостоятельно. Слишком много мыло тратили.

Татьяна Петровна не брезговала и ширинки у нас проверять.

– Выворачивай, – приказывала она беспардонно.

Краснея, снимала с себя трусы и показывала всю недельную грязь.

– Только быстро, – зычно продолжала Татьяна Петровна – на всё две минуты.

И ты бежишь к знакомым полкам, подставляешь табуретку, вскакиваешь и ищешь глазами трусы поновее. Хватаешь, а они оказываются то без резинки, либо с дыркой. На это уходит время.

Лихорадочно продолжаешь быстро перебирать руками стопку.

– Ты скоро-о-о? – вопит недовольная кастелянша.

– Уже всё! – бурчу я.

А трусы предательски не находятся.

Почти все в плохом состоянии. Поди, найди что – получше.

Выхожу к ней переодетая.

Татьяна Петровна всю ощупывает на предмет кражи.

– Знаю я вас, цыган, - и выталкивает меня в коридор, с этими словами.

Многим ребятам удавалось обмануть её и поменять вещи два раза в неделю.

Только не мне с такой внешностью.

О маме

Её не стало в моей жизни, когда мне было двенадцать лет.

Я привыкла знать, что она есть. Привыкла к её неожиданным визитам, всякий раз - в компании нового мужчины.

Если мне кто-то нравился из её «ухажёров», то называла папой. Отца родного никогда не видела.

В моих воспоминаниях образ мамы свеж: маленькая, худенькая, с длинными каштановыми волосами.

Не помню, что бы я её называла мамой, только в письмах. Почему? - не могу объяснить. Но порой испытывала стыд из-за некоторых неловких моментов, происходящих с ней.

В те времена женщины на улицах не курили, прятались в подъезде, либо за деревьями. Мама моя, напротив, шла, высоко задрав голову, и выдыхала дым на прохожих. Я смущалась, делала вид, что не с ней, отворачивалась и ускоряла шаг.

Она очень любила, тогда в моде были, брюки-клёш в полоску и каблуки.

Наездами мама появлялась в интернате с полными сумками гостинцев. На первом этаже в фойе, раскладывала их на диване и каждому пробегающему мимо неё ребёнку, выдавала сладости.

Бывало, к моему приходу уже ничего не оставалось. Тогда ей приходилось отпрашивать меня у воспитателей и идти в ближайший продуктовый магазин, где скупалось с прилавка всё, что я пожелаю. Позднее мама, после всех бакалейно-кулинарных отделов, вела меня в единственный на весь город универмаг и покупала мне там вещи, но старшеклассники после её отъезда у меня их отбирали.

Родила меня мама рано, в восемнадцать лет. В школе она была отличницей, но, как сама вспоминала, золотую медаль не дали из-за плохого поведения.

После выпускного вечера она возвращалась одна, идя вдоль шоссе. Машин было мало. Внезапно «Чёрная Волга» затормозила рядом с ней. Дверь резко распахнулась и, не успевшую испугаться маму, затолкали внутрь. Привезли на какую-то дачу. В маленькой комнате с зашторенными плотно окнами, куда её привели, почти сразу же изнасиловали. Наутро ей принесли только воды. Она не видела их лиц, знала, что - двое. К полудню её опять изнасиловали.

Так продолжалось три дня.

Вскоре в комнате появился годовалый малыш. Его украли с целью выкупа. Мама должна была его кормить и выполнять функции няни.

Прошла ещё неделя. Насилие продолжалось. Мама ела только то, что малыш не доедал... Если ребёнок хныкал, её избивали.

В один из дней оба мужчины напились и заснули, а дверь забыли закрыть. Собрав последние силы, мама завернула ребёнка в одеяло и вынесла его во двор. Была зима. Оглядевшись по сторонам, поняла, что идти надо в любом направлении и очень быстро, пока не спохватились.

Обессиленная, перешагивая через огромные сугробы в одних тапках, она вышла на дорогу, где и подобрала её семья, проезжавшая мимо на своей машине.

Незадолго до маминого исчезновения погиб её отец - мой дедушка Иосиф. Всю войну воевал.

Дошёл до Берлина, а мирное время убили. Заступился за незнакомую девушку на свадьбе своего старшего сына и получил смертельное ножевое ранение. Не спасли. Мой дед, рассказывали, был любвеобильным. Бабушка моя Акулина родила ему девяти детей и троих они усыновили.

Дед не только «бегал» до ближайших соседок, но и пользовался успехом у многих женщин. Бабушка безумно его любила и ревновала одновременно, терпела, как и многие в то время, а когда дедушки не стало, просто «сгорела» за год и умерла. Младшему, дяде Коле, на тот момент было всего семь лет. Маме моей семнадцать. Как рассказывал сам дядька, мама после того случая с изнасилованием изменилась - не в лучшую сторону; пропадала надолго, но зато, когда возвращалась домой, всегда приносила деньги. Часть из

них она прятала в ванне, выдвигая в кафельной стене одну плитку - это было тайником и без её разрешения никто не мог туда залезть.

Вскоре она познакомилась с моим отцом. Тот торговал наркотиками.

Через год родилась у них я.

Теснились все в маленькой двухкомнатной квартире вдесятером: бабушкины дети и маленькая я – в то время меня звали Аида.

Спали, где придётся: кто на полу, кто на рваных матрасах, а кто на диване. Менялись по очереди.

Позже, в детском доме, мне изменят имя и отчество.

Утром младшие дети уходили в школу, старшие на работу, а я оставалась одна. Мама уходила на рынок к отцу и могла не возвращаться неделями.

Стены этой квартиры, пропахшие грязным бельём, спёртым воздухом, напоминали огромную клетку, из которой, казалось бы - не выбраться.

Меня редко выводили на улицу, кормили как придётся, хотя мама приносила с рынка достаточно продуктов, но старшие их съедали мгновенно. Соседи по двору знали об этом и возмущались.

Староста дома, тётя Катя, очень полная женщина с добрым лицом, поднималась в нашу квартиру и забирала меня к себе. Когда появлялась мама, она строго ей выговаривала и грозила отправить меня в детский дом. Та обещала в очередной раз, что исправится, дарила тёте Кате дорогой подарок и опять исчезала.

Настал судный день.

День, когда в квартире настежь открылась дверь и на пороге появились незнакомые люди во главе с тётей Катей. Я сидела в это время под столом в одних трусах, без носок и собирала крошки с полу грязными пальцами, оставляя следы от слюней.

Меня отвезли в детский приёмник. Оттуда, позже, в детский дом.

Воспоминание о детприёмнике, единственное сохранившееся в памяти - огромная полутёмная комната, я сижу на полу и через маленькое оконце с решёткой смотрит на меня мама.

Отец, когда мне шёл второй год, получил высшую меру наказания. Мама попала в тюрьму. В своих письмах она каялась, извинялась. Обещала после освобождения забрать меня из детского дома.

Позже я поняла, что все заключённые жили во лжи.

Годы шли, не менялось ничего.

Я уже в интернате. Мама в Нижнем Тагиле, отбывает очередной срок.

Самое страшное – это ожидание. Ты всё равно ждёшь маму! Ты продолжаешь верить, что она исправится.

В каникулы многих детей забирали родители. А у меня наступал момент разочарования. Три дня, сидя на подоконнике, откуда видны были главные ворота интерната и уставившись сквозь стекло, я следила, за тем, кто заходил и к кому приезжали.

Вглядываешься, а это снова не к тебе...

Я злилась и мысленно ненавидела мать. Ненавидела и родственников, которые меня не навещали. В письмах к ним, я просила забрать меня хотя бы на неполные каникулы, что не буду никому в тягость: умею мыть полы, глажу, стираю.

И всё-таки мама приехала!

Обиды быстро исчезли.

Мы уехали с ней в Зубчаниновку, небольшой посёлок от города, где жил её парень. Петя, так его звали, был моложе мамы на десять лет. Разница в возрасте не ощущалась. Петя был крепкий и высокий. Мне он сразу понравился. Стала называть его папой. Ему это льстило.

Эти дни, проведённые вместе с мамой, пролетели быстро. Надо опять возвращаться в интернат. Я ревела, не отпуская руки Пети, а он краснел и не знал, что делать в этой ситуации. Оба пообещали, что заберут меня, как только оформят документы. И я стала ждать...

Прошло три месяца. Мама не писала и не появлялась. Тревога заселилась в мою душу. Даже если она попадала на зону, то давала о себе знать частыми письмами.

А тут тишина.

Учитель географии, Вадим Валерьевич, позже признался: «Я видел, как мучаешься, твои терзания моё сердце разбивали. Мне так твоя мама нравилась! Безумно красивая женщина!»

Летом ко мне приехал мой родной дядя Женя, средний брат мамы. Он никогда меня не навещал до этого, и потому я очень удивилась его приезду.

– А мама где? – спрашиваю.

– Скоро увидишь. - отвечал дядя, отворачивая голову.

– А почему сама не приехала? - навязчиво продолжала я.

– Немного приболела.

Мы сели на рейсовый автобус и поехали. Всю дорогу я расспрашивала дядю о маме, о Пете.

Приехали в город.

Дядя жил в бараке - ветхом одноэтажном здании, построенным пленными немцами после войны. Условия проживания жуткие: длинный коридор с множеством дверей, полы деревянные скрипучие, ярко бордового цвета; на кухне потолок обвисал от сырости, стены покрывал грибок. Туалет находился на улице. Во дворе у каждого жилья был свой сарай, где хранились овощи и всякий хлам.

Жена дяди Жени оказалась некрасивой женщиной, очень толстой и строгой. Глаза у неё были красные, будто кровью налитые. Местные её называли - Нина-лошадь... Из-за того,

что водку она могла пить гранёными стаканами в больших количествах и перепить во дворе всех местных алкашей.

Мне она сразу не понравилась.

Сели ужинать. Сковородка с жаренной на сале картошкой стояла посередине стола. Тарелок тётя не выдала и приказала есть так.

– А когда мы к маме поедим? – тихо, вполголоса, спросила я.

Лучше бы не спрашивала. Она зло гаркнула:

– Ешь! Разболталась!

Дядя Женя сидел, опустив голову, и почти не притрагивался к еде. Аппетит и у меня пропал. Тётка, гремя ложкой, уплела всю сковородку одна. Насытившись, хлопнув себя по выпяченному животу, полезла в холодильник, достала оттуда графин с водкой, поставила три стопки и налила.

– Ну, ты куда ребёнку? – дядя Женя был возмущён.

– Пусть пьёт. Легче перенесёт, что матери не стало.

А дальше как в тумане.

Лица расплывались. Не помню, как вышла во двор. Не помню, куда шла. Беззвучно плакала. Вышла к набережной Волги. Села на песок и просидела так почти до темноты. Подошёл мужчина и внимательно стал разглядывать меня.

– Заблудилась?

– Нет, – отвечаю, – у меня мама умерла, – и в этот раз я громко разрыдалась.

Тётя Надя, сестра мамы, расскажет подробности гибели мамы, когда от дяди Жени меня перевезут к ней.

Убили двоих – её и Петю, в том самом доме, где мы провели дни вместе. Убийца был знакомым мамы. Они вместе занимались преступными делами.

Говорят, это была месть.

Прошло время, боль улеглась. Жалею об одном, что при жизни мамы, какая бы она не была, я мало признавалась ей в любви.

Брат и Колька

После известия о смерти мамы прошёл месяц.

Мамы бывают разные. Такая, как моя, неоднократно судимая, и мамы обыкновенные. Но ты любишь её любую: по-детски – искренне и доверчиво. Потому что она мама, потому что она для тебя самая лучшая и тебе ещё так мало лет, чтобы оставаться без неё...

От сознания того, что больше никогда не увижу её, становилось грустно и, накопившуюся за день тоску, выплёскивала по вечерам в подушку, которая быстро намокала от слёз. Плакала беззвучно, чтобы никто из одноклассников не видел меня такой жалкой и ранимой.

Однажды на большой перемене ко мне подошла Вера Николаевна, наш библиотекарь, и вручила письмо без марки, с пометкой "бесплатно". Адрес отсутствовал. Дрожащими руками, я вскрыла конверт. Письмо было от брата. Текст короткий, в две строки: «Здравствуй, сестра. Учусь хорошо. Не болею. Мама не приезжает. Привези гостинцы»

Игорь, который был младше меня на три года, не знал о трагедии, потому что находился в другом интернате. Нас разделяли сотни километров.

Родился он в Нижнем Тагиле, в тюрьме, где мама отбывала срок за кражу. После родов её отправили на «химию» (вольное поселение, та же зона, но работа на большем пространстве), а Игоря – в приют.

В обед, следующего дня, я подошла к воспитательнице Валентине Григорьевне. Сбивчиво, с дрожью в голосе, объяснила, что необходимо поехать к брату.

– Завтра согласую с директором, только не переживай – укладывая руку на моё плечо, сказала воспитательница. – Поедешь через выходные.

Валентина Григорьевна, добрая и справедливая, решала наши проблемы в ущерб даже своему личному времени. Оставалась после работы и часто забирала к себе домой угостить чаем.

Нашему классу повезло с воспитательницей.

Гостинцы для брата я решила накопить из тех угощений, что давали на полдник: незаметно выносила печенье и вафли из столовой и прятала в свою прикроватную тумбочку. Воровать никто не воровал, так как меня боялись: в то время я уже заслужила славу драчливой девчонки, и со мной предпочитали не связываться.

Мне казалось, что гостинцев будет мало и к тому же хотелось удивить братишку чем-то особенным. В голове созрел план, но для этого надо было попасть в город.

Высокий забор из металлических решёток, покрытый чёрным лаком, огибал всю территорию интерната. Калитка располагалась напротив окон дежурного воспитателя и убежать незаметно не получилось бы.

Ближе к выходным, подошла к Светке Шнайдер и попросила у неё на один день брюки.

– Давай махнёмся. Я тебе ужин и два полдника. Могу и полы помыть.

Светка охотно согласилась и выдала мне чёрные брюки, которые ей привезла старшая сестра.

И вот уже суббота.

Очутившись по ту сторону забора, я стремглав побежала к направлению центра города. Дорогу знала. Через двадцать минут стояла уже у центральных ворот парка отдыха. Народу было много.

Обойдя огромную очередь у билетных касс, я направилась вглубь парка на детскую площадку, к турникам. В последний раз именно там нашла валяющиеся на земле деньги, двадцать копеек. Для меня – немалые. Можно было купить три кисельного мороженого, так называлось фруктовое мороженое фиолетового цвета по семь копеек или брикет пломбира, купить одну большую шоколадку или несколько грамм конфет на развес.

Немного пригнув спину и сосредоточив взгляд вниз, стала усиленно расчищать землю носком туфли. Денег не было.

Обошла все скамейки, заглянула в урны... Опять ничего.

Вышла к театральной сцене парка. В этот раз здесь было тихо и безлюдно. Опять окунулась в поиски, пока не услышала как воздух резанул чей-то окрик:

– Эй, ты что потерял?

От неожиданности я вздрогнула. Оглянулась по сторонам.

В метрах двадцати от меня стоял мальчишка, примерно мой ровесник, лет двенадцати. Волосы его были взъерошены и сбиты в левую сторону. Как будто спал долго на одном боку.

– Тебя как звать, пацан? Меня Коля. Так ты что потерял?

– Я... Игорь. – голос от неуверенности сорвался, врать не умела и лицо мгновенно стало пунцовым, – деньги тут обронил. Покататься на качелях хотел.

Имя я себе придумала быстро, в честь брата. Меня не первый раз принимали за мальчика: волосы, хоть и густые, кучерявые, но всегда короткие, худая и плоская, к тому же в брюках. В интернате всех девочек до шестого класса стригли коротко. Профилактика от вшей, как нам говорили. Меня это устраивало, потому что я ненавидела бантики, которые обязаны были носить те, у кого были длинные волосы.

– У меня есть деньги. Пошли прокачу. – и схватив, меня за рукав, не дожидаясь согласия, Коля потащил к кассам.

По дороге мальчишка рассказал о себе: мама его работает в исполкоме, видятся они редко из-за занятости, отца нет; в классе, в новой школе, куда он недавно перевёлся, с ним никто ни дружит. В выходные мама занята хозяйственными делами, а ему разрешает ходить одному в парк, выдавая наличные.

В подтверждении своих слов, Колька вытащил из кармана брюк бумажные деньги.

– Видал сколько? На все аттракционы хватит! – сообщил он. – Ещё и с тех выходных остались.

Стоя в очереди за билетами, продолжили знакомство.

– А ты в какой школе учишься? Где живёшь?

– В пятнашке. И живу там... на Декабристов.

Пришлось опять врать.

Пятнашка - это школа номер пятнадцать. Она располагалась по соседству с нашим интернатом. Во время учёбы мы старались на эту территорию не заходить. Домашние дети дразнились и часто возникали драки на этой почве. Зато, когда школа прекращала работать, после четырёх часов дня, мы неслись туда на хорошо оснащенную спортивную площадку. Наша – с двумя деревянными кривыми воротами на футбольном поле и ржавым турником – представляла собой жалкое зрелище и чаще пустовала.

– Давай начнём с «цепочки»! – по-приятельски хлопнув меня по плечу, предложил Колька, когда мы с билетами в руках отошли от кассы.

«Ну раз цепочка, значит цепочка» – мысленно согласилась я и побрела за ним.

До этого момента, не доводилось на каруселях кататься.

Колька сел спереди, а я – позади него. Осмотревшись вокруг, вдруг почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота, хотя карусель еще даже не начала вращаться. Механик, дядька с рыжими усами и запахом папирос, вытирая руки от масла грязной тряпкой, проверил у всех пристяжные ремни и медленно потянул рычаг на пульте управления. Под ногами лязгнуло. Карусель тронулась и начала набирать ход. С каждым поворотом карусель взлетала выше и выше, одновременно вращаясь в разных направлениях со страшной скоростью. Все вопили как оглашённые от восторга, одна я, вцепившись судорожно в поручень, не испытывала большого желания кататься. Верхушки деревьев мне казались одной сплошной стеной и лиц, сидящих уже не могла разглядеть. С каждой минутой становилось плохо. Мутило. Я запрокидывала голову назад, жадно хватая воздух, но это не помогало. Казалось, что вот-вот меня стошнит или того хуже, упаду, разбившись насмерть. Стало безумно страшно. Сквозь визг и крики, различила голос орущего Кольки:

– Остановите, остановитеее...пожалуйста.

Постепенно сбавляя обороты, карусель встала. Коснувшись земли ногой, дрожа всем телом, пошатываясь, я направилась к выходу. Колька подскочил ко мне, схватил за талию, иначе я, чего доброго, не удержалась бы на ногах. Мы дошли до большого дерева, подальше от аттракционов.

– Мне плохо. - пролепетала я и села на траву.

Капельки пота проступили на лбу, меня зазнобило и резко вытошнило прямо под Колькины ноги.

– Сиди. Я мигом.

И Колька с грязными башмаками понёсся к автомату с газировкой. Желающих выпить лимонад было много. Он начал что-то объяснять людям, отчаянно жестикулировать,

показывая в мою сторону. Лицо его выражало необыкновенное сострадание, как будто со мной случилось более серьёзное, чем рвота. Толпа расступилась, и Колька подставил стакан в автомат. Обратно он шёл аккуратно, стараясь не расплескать газировку.

– Так испугался за тебя. Кричу усажу, а он не слышит. Думал помрёшь. – сбивчиво говорил Колька.

Я выпила полстакана, остальное протянула другу. Залпом оглушив остатки, облизывая кончиком языка губы, Колька помог мне приподняться, и мы направились в тир.

Стреляли одновременно, больше мимо цели и подшучивали над собой. Я промахивалась из-за того, что ещё трясло после карусели, а Колька, наверное, потому, что просто был мазилой.

После тира с Колькой пошли в кафе, где угощал мороженым в жестяных чашечках, политым сладким сиропом и посыпанным сверху шоколадной крошкой. И хотя ещё приходилось испытывать тошноту, я с удовольствием уплетала десерт. Колька, вздохнув, рассказывал о своих проделках в школе и громко хохотал даже, как мне казалось, над совершенно несмешными историями.

Выйдя из кафе, спросила: «Который час?»

Колька пожал плечами и произнёс:

– Где-то шесть...

В семь часов в интернате ужин и надо явиться вовремя.

– Я должен идти. Маме обещал не опаздывать. – запинаясь, сказала я, испытывая страшное отвращения от очередного вранья.

– Давай провожу. Мне всё равно нечего делать. – предложил Коля.

– Да, не, сам добегу.

– А приходи завтра. В кино ходим.

Колька вопрошающе смотрел на меня.

– Приду – буркнула в ответ, и махнув рукой на прощанье, пустилась бежать.

Перед главными воротами интерната, я была за полчаса до ужина. Несмело потянула на себя калитку. Раздался скрежет. Из окна выглянула дежурная, Евдокия Павловна. Евгеша, как называла её вся школа.

– Ты как там оказалась? – сердито спросила она

В ответ я промолчала.

Выходя из двери и направляясь ко мне, перебирая связку огромных ключей, Евгения Павловна продолжала ворчать.

– Я сейчас в журнале отмечу нарушение режима. Нельзя заходить за территорию школы. Ты сегодня третья. Безобразие форменное. Шпана. Наказывать вас надо строго. Книжки не читаете, бродите где попало. Как фамилия? Откуда на тебе брюки?

И это всё она успела выпалить, пройдя какие-то двадцать шагов.

– Извините - тихо произнесла я и юркнула между ней и распахнутой калиткой.

Уже подбегая к дверям школы, держась за ручку двери, я оглянулась. Евдокия Павловна, подперев коленом ворота, с трудом пыталась закрыть ржавый висячий замок, бубня себе что-то под нос. Из-под юбки у неё торчала резинка от чулок, а платок с головы сполз на лицо. Я фыркнула, с трудом сдерживая смех и исчезла за дверью.

После отбоя, когда ребята улеглись и в спальне воцарилась тишина, укутавшись одеялом с головой, я заново перемотала пройденный день: вспомнила Кольку, парк, качели, мороженое. И только засыпая, поняла, что деньги так и не раздобыла для брата и Светке мне ещё два полдника отдавать.

Воскресное утро следующего дня выдалось солнечным для сентября и опять тёплым.

После завтрака Валентина Григорьевна сообщила классу, чтобы оделись чистенько - через час идём в город смотреть индийский фильм. Ребята шумно загалдели от радости. Для нас, интернатских, это событие всегда было значимым.

И вот уже строем, разбившись по парам, идём в кинотеатр. Парни одеты были в одинаковые клетчатые рубашки, в серые пиджаки, а мы, девочки, в хлопковых платьях и шерстяных кофтах с огромными пуговицами.

Вышли на центральную площадь города. Тогда она мне казалась невероятно огромной. Театр, и дом культуры, здание райкома - всё вмещала эта площадь. Здесь и демонстрации проходили и парады в честь великих праздников.

Кино смотрели в доме культуры, в небольшом двухэтажном доме, с одним залом. Пока

Валентина Григорьевна ходила договариваться о сеансе с администратором дома культуры, мы столпились вокруг Вадика Белкова, считавшегося в школе главным юмористом. Он рассказывал очередной анекдот.

Сквозь ребячий смех вдруг раздался знакомый голос:

– Игорь!

Я замерла от неожиданности.

– Игорь!

Позади повторилось более твёрдо.

Пересилив себя, медленно стала оборачиваться. Передо мной стоял Колька. С выпученными от удивления глазами, с открытым ртом.

– Это ты? В платье?

Я продолжала стоять, не реагируя.

– Те чё нос разбить? – нарушив тишину, прогремел басом Филькин Сашка.

Подскочил к Кольке и замахнулся кулаком.

– Не трожь его! Он мой друг! – придя, наконец, в себя, выкрикнула я и встала между мальчишками.

– Да он домашний. Бить таких надо! - продолжал Сашка, напирая телом вперёд.

– Только попробуй – сквозь зубы процедила я и толкнула Филькина в грудь.

Толчок был на столько сильным, что Сашка завалился в траву на спину. Увидев это, подбежала Валентина Григорьевна.

– Ну как тебе не стыдно, Ира, ты же девочка! Будешь наказана и не поедешь к брату.

– Да пошли вы все...

Развернувшись от воспитательницы, я бросилась бежать.

Бежала до тех пор, пока не устала. Остановилась. И вдруг услышала, как сзади кто-то часто и хрипло дышит. Оглянулась. Бледный и измотанный, передо мной стоял Колька. Мы смотрели друг на друга, не решаясь заговорить. Наконец отдышавшись, Колька начал первый:

– Это ничего что ты девочка, всё равно с тобой дружить буду.

Подошла к нему вплотную.

– Я интернатская.

– Ну и что? - спросил Колька. - Мне всё равно.

– Мне надо идти. - уже спокойно произнесла я, и не глядя на него, двинулась в сторону школы.

Колька, поравнявшись со мной, неуверенно спросил:

– Можно провожу?

Глядя на друга-сострадальца, поняла, что он не отстанет и кивнула.

И теперь моя очередь была рассказывать ему о себе: как попала в интернат, о родителях и о младшем брате. Колька внимательно слушал. Время от времени хмурился, чесал нос и громко вздыхал.

Подойдя к воротам интерната, он окинул взглядом территорию и с грустью промолвил: – «На тюрьму похоже» – И после добавил:

– Буду приходить к тебе в гости.

Прошло три дня.

Валентина Григорьевна, после того случая у кинотеатра, старалась со мной общаться сухо. Я свыклась с мыслью, что не придётся ехать к брату, и что завтра сяду писать нерадостное письмо.

А ещё я очень скучала по Кольке.

Во второй половине дня, когда я готовилась идти на тренировку, ко мне подскочил Пашка Платонов, одноклассник, и притворно улыбаясь, выпалил:

– Жених к тебе пришёл.

Обрадовавшись, щёлкнула Пашку по лбу и ринулась вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки.

В фойе стоял Колька, одетый в школьную форму. В руках он держал большую матерчатую сумку.

– Это тебе моя мама велела передать - гордо заявил он.

Принимая сумку с его рук, почувствовала запах домашних пирожков, такие обычно пекла тётка моя, у которой иногда я гостила на каникулах.

Возле нас толпились зеваки с разных классов. Перешёптывались, хихикали.

– Пошли на улицу, а то так и будут зырить. – предложила я Кольке.

В дверях, при выходе, наткнулись на Валентину Григорьевну.

Воспитательница внимательно посмотрела из-под очков на Кольку и неожиданно улыбнулась.

– Хороший у тебя друг.

Прошла ещё неделя.

Колька продолжал меня навещать. Подружился с ребятами из моего класса и часто мы вместе играли на спортивной площадке.

Расставались мы всегда у калитки, где Колька без стеснения, у всех на глазах, меня обнимал и каждый раз произносил: «До - встречи».

В очередной день его посещения я обратила внимание, что он был чем-то расстроен.

– У тебя всё в порядке?

Колька опустил голову и тихо промолвил.

– В воскресенье с мамой уезжаем в другой город. Переводят по работе.

Хотелось завывать, кричать. Я еле сдерживалась. Наконец-то, у меня появился настоящий друг, и вот так быстро я его теряю...

А в субботу вечером Валентина Григорьевна объявила: в сопровождении Марины Нечаевой, ученицы десятого класса, завтра рано утром на электричке я поеду к брату.

В семь утра тихим потряхиванием за плечо, была разбужена ночной няней тётей Дусей. Велено было, одеваться по-быстро и бесшумно. Впопыхах выгребла с тумбочки, припасённые за несколько недель сладости, сложила всё в сумку, оставленную Колькой и пошла спускаться, где в фойе ждала меня Марина.

На улице чувствовался конец сентября. Особая прохлада чередовалась с мелким морозящим дождём. Было темно и редкие фонари указывали нам дорогу к вокзалу. Я старалась не отставать от Марины, всё время поеживаясь от холода. Куртку ещё рано было одевать, а в кофте - холодно.

На вокзале, ранним утром, было много народу. Марина, взяв крепко меня за руку, повела к платформам. И только, когда уже сели в электричку, я вдруг вспомнила о Кольке. Ведь он даже не сказал во сколько уезжает.

«Без меня всё равно не уедет» – успокоила я себя и закрыла глаза.

Проснулась от резкого толчка в плечо.

– Билет твой.

Кондукторша, женщина пятидесяти лет, в фуфайке и зелёном платке, свесилась надо мной. От неё несло чем-то кислым.

– Одна что ли едешь? Документы есть? – зычно и протяжно на весь вагон спросила она.

– Вот наше разрешение – негромко проговорила Марина, подавая тётке, сложенный лист бумаги.

Сплюнув на палец, кондукторша развернула лист и стала читать.

– Сироты? – тем же командирским голосом спросила женщина.

Я отвернулась к окну, а Маринка тихо произнесла:

– Интернатские.

В вагоне люди стали оборачиваться в нашу сторону.

Бабульки запричитали: бедные, несчастные брошенные дети; женщины начали осуждать «чёртовых родителей», «бессердечных тварей»; а дети с удивлением нас разглядывали, будто мы чем-то отличались от них.

– Ну чего разгальделись? – обратилась к пассажирам кондукторша, повышая тон в три раза.
– Смущаете девчат.

Подобревшим голосом, спросила:

– Голодные?

– Нас рано подняли. Завтрак позже. – отрапортовала Марина.

И тут началось.

Пассажиры вскакивали со своих мест и несли нам продукты. Кто яйца варёные, кто завернутую в газете колбасу, в стеклянных банках картофельное пюре, к нему отдельно куски солёного сала. Девочка лет шести подошла и протянула пакет с овсяным печеньем. А сама тётя Галя, так звали кондукторшу, принесла два стакана горячего чая. Смущённые, мы благодарили всех за заботу.

Электричка подъехала по расписанию. Тётя Галя пожелала нам успехов и сунула Марине бумажный кулёк с огромными жирными пятнами. В нем лежали четыре плюшки с шоколадной начинкой.

Мы направились к автобусной остановке. Дорогу моя сопровождающая знала. Ей не раз приходилось ездить в Самару по делам. Прильнув к стеклу окошка, я с интересом и восторгом рассматривала из автобуса, город, в котором родилась, но не выросла.

Улица, где находился интернат брата, встретила нас необыкновенной тишиной. Вдоль дороги росли тополя и клёны. Здесь не было высотных домов, лишь редкие двухэтажные, с уютными дворами с крашеными бордюрами и клумбами пестрых цветов. Сама школа находилась в конце улицы.

У ворот нас встретила маленького росточка юркая женщина лет тридцати. Она представилась методистом и, поправляя каждый раз падающую чёлку за ухо, спросила, к кому мы приехали

– Я сестра Игоря Проскурина.

Методист с удивлением на меня посмотрела.

– Не похожа. Чёрненькая. Будто цыганка. Игорёк светлый. От разных отцов что ли?

Я смутилась от её слов. Вмешалась Марина.

– Ира - родная сестра. Мы торопимся - электричка отходит через полтора часа.

Женщина недовольно перекинула взгляд на Марину.

– Дерзкая какая. – и понизив голос, обращаясь опять ко мне, буркнула. – Сестра - значит сестра. Идёмте.

Она проводила нас во двор школы, усадила в беседке и велела ждать. Я волновалась, потому что ни разу не видела Игоря.

Братишка оказался совсем малышом. Цвет волос, как шерсть у нашего интернатского кота Мурзика, белые с отливом соломы, нос крупный, картошкой. Воротничок на рубашке застегнут на последнюю пуговицу и, видимо, это стесняло движения головы, потому что он смотрел только перед собой.

Я встала со скамейки. Игорёк, мелкими семенящими шажками, подошёл ко мне, продолжая смотреть прямо. Чуть приобняла его. Стеснялась рядом присутствующей Марины.

В беседке я разложила гостинцы на скамейку, и братик принялся их уплетать. Крошки сыпались на его новую рубашку и брюки. Ладонками он запихивал остатки еды в рот. Я прыснула от смеха. Он казался таким смешным.

Марина ушла гулять по территории, а брат рассказал, с кем дружит, как учится, что любит рисовать. Я смотрела на Игорьку и радовалась тому, что он рядом.

– А почему мама не приезжает? - подняв голову, резко спросил Игорь.

– Мама долго болела и умерла.

Как я и предполагала, известие о смерти мамы не стало для брата сильным потрясением: он был еще несмышленым, его больше занимали вкусные гостинцы.

Когда вернулась Марина, я поняла - время собираться. Притянув брата к себе, я поцеловала его в макушку, пообещав приехать ещё раз.

– Можно я эту еду заберу себе? – спросил Игорёк.

Он посмотрел на меня так страдальчески и жалобно, что мы с Мариной засмеялись.

На обратном пути вспомнили о пакете, которое дала нам тётя Галя – кондукторша. Марина купила бутылку молока и вместе с шоколадными булочками, пообедали.

В интернат вернулись уставшими. Я сразу пошла разыскивать Валентину Григорьевну, чтобы сообщить о своем прибытии. В узком коридоре, ведущем из школьного комплекса к спальням и игровым, я наткнулась на красавицу нашего класса Ирку Панфёрову.

– Тебя твой друг разыскивал. Колька. Он с мамой уехал на вокзал.

– Когда? - нервно спросила я.

– Минут тридцать назад. Может меньше.

Времени не было на раздумывание, и я побежала. Выскочив из здания, на моё счастье, я заметила, что ворота открыты. По времени должна была приехать машина с хлебом. Вечерняя развозка. Я прошмыгнула за калитку и изо всех сил понеслась к вокзалу, уже во второй раз за день. Бежала без остановок. Перед глазами стоял Колька, и это придавало мне ещё больше сил. Успею, должна успеть! Колька не уедет без меня. Дыхание сбивалось, но я не смела останавливаться.

Наконец выбежала на привокзальную площадь. Расталкивая локтями людей, я попыталась пробраться ближе к платформам.

«Куда лезешь, шпингалетина?», «Как же надоели эти наглые цыгане» – несло со всех сторон.

Не обращая внимания на оскорбления, я продолжала протискиваться сквозь толпу, в надежде добраться до нужного поезда. И вот стою уже на перроне напротив Колькиного поезда. И понимаю: он не назвал мне номер вагона, сказал только, что уезжают в Казань.

Начала суетиться. Побежала вначале вперёд вдоль вагонов, затем остановилась и вернулась. Видимо, моя растерянность читалась по лицу, потому что проходящий мимо дед спросил.

– Тебе помочь, внучка?

Я отрицательно мотнула головой. Разговоры бы больше времени отняли. Я снова пошла вдоль поезда, вглядываясь пристально в окна вагонов.

Объявили, что поезд отъезжает через пять минут. Я ускорила шаг. В окнах мелькали чужие лица. Кольки не было. У одного из вагонов я остановилась. Молодая проводница тщательно протирала поручни, напевая тихо песенку. Блузка на ней была белоснежная, как наши воротнички у школьной формы, которые мы отбеливали и пришивали каждую субботу сами, пилотка красиво смотрелась на её рыжих волосах.

– Вы Кольку не видели? Он с меня ростом. С мамой едет. Проститься с ним должна. – торопливо обратилась я к ней.

– Детей едет много, - спокойно заговорила девушка. - Мальчик из двенадцатого вагона долго с мамой препирался. Ждал, видимо, кого-то. Может, это и есть твой Колька?

Подмигивая мне, она улыбнулась.

– Беги. Успеешь. От меня ещё три вагона.

Поблагодарив проводницу, я стремительно бросилась вперёд. Внезапно раздался гудок поезда. Из-под колёс зашипело, пронзительный скрежет-свист заставил меня испугаться и отскочить в сторону. Проводницы стали быстро поднимать тамбурные площадки.

Поезд медленно тронулся.

Нет, нет же! Я должна проститься с Колькой!

Из последних оставшихся сил, цепляясь руками за вагоны, будто это каким-то способом могло помочь затормозить движение поезда, я продолжала бежать.

«Один вагон, всего один» – успокаивала себя мысленно.

И вот он, двенадцатый.

Мне он показался длиннее, чем другие. Подпрыгивая к окнам и присматриваясь к отъезжающим, я вдруг заметила своего друга. Он сидел грустный и подавленный.

– Колька, Колька. – во весь голос орала я, размахивая руками. – Колька!

Стала бить по вагону кулаками, надеясь, что он услышит. Женщина, сидевшая напротив него, заметила меня, указала пальцем. Колька встрепенулся, как ото сна, и кинулся к окну. Прильнув к стеклу, он улыбался и что-то говорил, объясняя жестами свою радость.

Таким я его и запомнила. Улыбающимся.

Поезд всё быстрее и быстрее стал набирать ход.

Больше не было сил бежать. Остановилась.

Во рту пересохло, хрипы разрывали мою грудь, а голова кружилась так, будто она сейчас оторвётся. От усталости ноги подкосились, и я села прямо на перрон. Поезд уходил. Я смотрела ему вслед и понимала, что он уносит Кольку навсегда из моей жизни.

Закон

Суббота! Этот день, пожалуй, самый ожидаемый в интернате и радостный.

Не надо идти на учёбу, на час можно подольше поспать и на обед дают беяши!

Самые настоящие огромные мясные беяши!

Повар, дядя Юра, маленького роста и шуплый, для нас, ребят-сирот, никогда не экономил на мясе, клал много, не жалел. Колпак он носил набекрень и почему-то пояс от халата завязывал в огромный бант спереди.

Сменщица его, Раиса Петровна, упитанная, с тройным подбородком и с коконом на голове, закреплёнными шпильками, была тётка очень жадная и крикливая. В её смену беляши казались менее вкусными, но удовольствие от этого не уменьшалось.

В столовой, если оставалась другая еда, кроме беляшей (на воспитанника две штуки), всё выкладывалось на раздаточную доску, и желающий получить добавки подходил с пустыми тарелками.

Раиса Петровна внимательно следила за каждым. Очень уж, похоже, переживала, что мы лопнем от обжорства. Лицо её выражало недовольство и брезгливость. Бывало заорёт зычно на всю столовую: «Ненасытные беспризорники, куда в вас столько лезет?»

Меня раздражала её красная помада. Вернее, то, что собиралось на уголках губ. Раздражали её здоровенные серьги с огромными камнями и отвисшие мочки ушей. Вздёрнутый большой нос и вылезающие оттуда завитушки волос – тоже раздражали. Таких некрасивых и злых женщин я редко встречала.

После окончания смены, она выходила с работы, неся огромные сумки с продуктами. Так и называли её: «жирная ворюга».

Дядя Юра выходил с пустыми руками. Иногда он лез во внутренний карман, доставая оттуда «малёк», и, озираясь по сторонам, одним огромным глотком выпивал полбутылки.

Мы наблюдали это из своих окон.

У нас он звался "ханыга".

Всё равно любили дядю Юру. За его доброту!

Часто прибегали к нему на кухню, помочь: почистить бак картошки и прибраться. На это уходило много времени. Зато потом дядя Юра, за наше усердие, выдавал буханку хлеба, кочан капусты и ведро картошки.

Радостные, мы убегали в овраги, где разжигали костёр и устраивали «пир на весь мир». Буханку, ещё теплую, разрывали руками и распределяли между всеми. Капусту резали самодельным ножом, сделанным из куса ржавого металла, подобранного тут же. Тому, кто резал, доставалась кочерыжка. Она казалась вкуснее всего, особенно с солью. Ну, и главным десертом, безусловно, считалась – печёная картошка!

Протыкая остриём палки, доставали из костра, дуя на неё, перекатывая с ладошки на ладошку. Казалось - вкусно до безумия! Перепачканные золой руки и лицо, не смущали. Не до этикета. Главное - сыты.

Запах приближающегося лета, дым костра, журчание ручейков, сплачивали в эти минуты и делали нас на этот момент счастливыми!

Дополнительно еду добывали и другим способом - набегами на чужие дачи! В государственный сад с яблоками страшно было лезть. Там всегда находился сторож, и, по всей территории сада бегала овчарка. Лазили редко туда, но если и шли, то лучше

подготовленными, чем к дачникам. Мне это не особо нравилось, так как всегда присутствовал риск быть пойманным. В интернате за это наказывали. Заставляли мыть полы целую неделю. Трудотерапией называлось.

Вот дачи - другое дело. Редко кто на нас собак натравлял из-за временного проживания там, да и жалость у хозяев присутствовала - поругают и отпустят, а некоторые в дом заведут и накормят.

Разбивались обычно на несколько групп. Часть шла к одному дому, другие - к следующему. Тех, кто считался не особо физически выносливым, ставили на «шухер». Это, когда ты следишь, не идёт ли кто, и, в случае опасности, предупреждаешь всех. Лучшим смотрящим считался тот, кто умел свистеть в четыре пальца.

В будний день, желательно днём, когда мала вероятность, что хозяйева дома, перелезаешь через забор, отворяешь засов калитки, закрытой изнутри, и всех запускаешь. Разбредались кто куда. Кто-то предпочитал срывать малину и лез в колючие кустарники, кто к помидорам и огурцам, а я к редиске.

Любила этот овощ. Наемся вначале грязной, обтирая лишь о сарафан, а затем начинаю распихивать по карманам.

Добычу, после ограбления, делили поровну. В интернате так принято было. Некий закон, который выполнялся всеми. Иначе будешь своими же наказан и долго тебе будут припоминать о том, что ты сквалыжный и жмот.

Случай вспомнился с одноклассницей.

К Анжелке Горшковой - Горшок - кличка, приехал дедушка с гостинцами. Сладостей навёз и огромный арбуз.

Обрадовались, решили, что сегодня у всех праздник. Но Анжела, как-то подозрительно глубоко, спрятала в шкаф дедушкину провизию и убежала. Шкафы располагались в общей спальне. У каждого был свой – с двумя нижними полками и отделом для вешалок.

Кончился обеденный перерыв, настал вечер, а Анжелы нет.

Объявили отбой и, наконец, в спальню забежала Горшок. Потирая глаза, будто спать хочет, она быстро разделась и шмыгнула под одеяло. Никто не стал задавать вопросов.

А посреди ночи мы проснулись от громкого чавканья. Не сговариваясь, переступая еле слышно босыми ногами, я и ещё одна девочка, вышли на звук к шкафам. Свет включили резко. И... картина. Сидит на корточках Горшок, и уминает гостинцы.

Это надо было видеть.

С перепугу Анжелка поперхнулась. Из рта вылетели куски недоеденных конфет. Лицо, перепачканное халвой, стало красным.

– Ну, что, в одну харю? — подойдя к ней поближе, спросила я. – Девчата, сюда!

Остальное, арбуз и печенье, съели без Горшка. Проучили её.

Даже если у кого-нибудь из ребят всего одна конфета, он обязан делиться с присутствующими.

Пять человек, двадцать – без разницы!

Закон.

Первая учительница и Жанна

Первую мою учительницу звали Нина Сергеевна.

Ей было около сорока лет. Она постоянно носила бордовое платье из кримплена с вшитым белым воротником. Дом, в котором учительница проживала, находился на территории интерната. Он считался служебным жильём для учительского персонала.

Стрижку учительница носила короткую, с прямой чёлкой и с вихрем на затылке. Сын её студент с нами не общался. Мужа Нины Сергеевны часто видели выпившим и, как все озорные дети, дразнили его. Бежали за ним, смеялись, кидая в него горсти земли и выкрикивали обидные слова. Он, не обращая внимания на весь наш ребячий беспредел, с опущенной головой, брёл домой.

Из окна Нины Сергеевны после раздавались крики и шум.

Утром, учительница приходила, после таких ссор, разбитой и с подавленным настроением. На круглом лице читалась растерянность, нижнее веко правого глаза дёргалось, голос звучал тихо.

Безумно жаль было её в такие дни.

Мне она нравилась, наверное, потому, что нравилась ей я и что выделяла меня среди других учеников.

Видимо, ей просто было легко со мной.

К шести годам я читала, писала, складывала небольшие числа в уме. К тому же, неплохо рисовала. В те времена в школах месяцами изучали алфавит, а умножение проходили только после начальной школы.

Нина Сергеевна часто усаживала меня за последнюю парту, где, как сейчас, помню, лепила из пластилина и яичной скорлупы лебедей, из клейстера и бумаги изготавливала папье-маше, оформляла плакаты к праздникам.

Учительница была весьма ленивой и особо не утруждала себя работой: тех, кто не справлялся со школьной программой, направляла в спецшколу для умственно отсталых – практикуя такое часто.

Ну, а если, не дай бог, у ребёнка присутствовала какая-либо незначительная патология – это только ускоряло процесс отправки в «дурдом», – как называлась спецшкола на нашем языке.

Нина Сергеевна запросто, руководствуясь исключительно личными эмоциями, могла спокойно вынести приговор ребёнку, который ей не нравился.

Одного её желания было мало. Уровень умственного развития, с помощью тестов, определяли врачи-психологи на обязательной медкомиссии.

В нашем классе училась девочка, немного похожая на меня. Звали Жанной. Внешность цыганская, только без кудряшек. У неё, то ли рахит был, то ли с рождения такая фигура: ноги колесом, живот некрасиво выпячивался, нижняя губа отвисала и со рта вылетали пузыри из слюней, да к тому же, из носа постоянно что-то текло, а палец оттуда не вытаскивался...

Нина Сергеевна Жанну считала отсталой и безнадежно обучаемой.

Когда я сидела на последней парте и «творила», учительница сажала Жанну на первую парту и давала игрушки.

– Лаптева, играй тихо, – произносила учительница, если Жанна заигрывалась и шумела, – либо пойдёшь в угол.

Наши учителя и воспитатели практиковали это наказание. Стоишь в углу, повернувшись спиной к классу и, вроде как, никому не мешаешь.

Жанна почти год не изучала алфавит, и всё это время проиграла на первой парте. Допуска во второй класс у неё не было, в журнале в графе оценок стояли прочерки.

В один из назначенных дней после новогодних праздников следующего года, её повели на комиссию, ту самую, которая определяла нормальный ты, либо «по тебе плачет дурдом».

К удивлению всех ребят, она быстро вернулась, объявив, что остаётся.

Как позже вспоминала сама Жанка, в кабинете сидели две «тётки в белых халатах», которые попросили её из пластмассовых кубиков построить что-нибудь, а она выстроила целую композицию города – дворец, дома, игровые площадки. Затем задавали вопросы на "соображалку," где она отвечала довольно-таки быстро.

Нина Сергеевна осталась недовольна её возвращением.

– Лапоть вернулся.

Все захихикали. Я тоже.

Жанна прошла за свою парту, понуро опустив голову, тяжело дыша и выпуская очередную порцию воздушных пузырей.

Прошло полгода. Жанна продолжала сидеть на первой парте и играть в игрушки. Я – на последней, рисовала задания учительницы и параллельно изучала таблицу умножения.

Ближе к весне, неожиданно, во время перемены, подходит ко мне Жанна со своим букварём и, тыча пальцем в букву, спрашивает:

– Какая?

Смотрю на неё с недоумением.

– А зачем тебе? – спрашиваю.

– Надоели игрушки. Хочу читать.

Через неделю, с помощью ребят из класса, она легко освоила весь букварь и бегло научилась читать. Математика также далась легко.

Каково же было удивление Нины Сергеевны, когда в ответ на вопрос к классу, руку подняла Жанка.

Заканчивался второй класс, и Жанна нагнала всю школьную программу! Она оказалась очень талантливой девочкой и, к тому же, очень трудолюбивой.

К третьему классу ушли все её физические недостатки, в пятом классе, наравне со мной, она занималась лёгкой атлетикой и уже показывала результаты.

Её упорству можно было позавидовать.

В субботний день на тренировках бегали кросс десять километров. Дистанция проходила вдоль берега Волги. Как только тренер уходил из нашего поля зрения, я, с разбега, ныряла в реку, Жанна продолжала бежать дальше. Я «сачковала», она честно отрабатывала свой километраж.

На обратном пути, после половины дистанции, пробегая мимо меня, махала рукой, чтоб выходила из воды. Пристраивалась к ней, обсыхая на ходу, и шаг за шагом вместе добежали до тренера.

Она была великая трудяга. И, к тому же, бесстрашная.

Помнится, мы ещё салагами были, старшеклассники так называли нас, прыгали с ней на лыжах с высокого трамплина и на самодельных санках, сделанных из спинок стула.

Неслись вниз по крутому склону вперёд головой. Дух захватывало от скорости. Быстро перебирали ногами, чтобы случайно не вмазаться в забор, который стоял вблизи трассы.

Нас с Жанкой называли мальчишницами.

С девочками особо не дружили, в куклы не игрались и не любили носить платья. Зато обожали играть в «войнушку». Прибежим на «поле боя», где старшие пацаны, разделившись на русских и немцев, сражались, и просимся в любую команду. Гена Гопчак, главнокомандующий этого сражения, ставил нас медсёстрами. Мальчишки любили быть ранеными. Театрально валились на землю и стонали.

– Сестра, умираю... Санитары, я ранен в живот... в голову... в ногу...

И ты тащишь их, здоровых, взвалив на свою спину, до ближайшего окопа.

На территории интерната располагалось много оврагов, поэтому было где разворачивать военные действия. Только одного с трудом дотащишь до лазарета, как другого нести надо.

Иногда Гена доверял нам и оружие. Самодельные автоматы из толстых веток дерева. Шли и в рукопашную. С мальчишками тяжело драться, но приходилось терпеть, иначе в следующий раз не возьмут в игру.

Впоследствии, Жанна окончила педагогический институт с отличием, стала мастером спорта международного класса, выиграв много престижных марафонов. Самое значимое её достижение – это третье место на Чемпионате в горном марафоне.

Каждый раз, когда выпускной наш класс собирается на юбилей школы-интерната, и все идём навещать свою первую учительницу, то идём без Жанны.

Она так и не может простить Нину Сергеевну за попытку испортить ей жизнь.

Нине Сергеевне шло определение «сама себе на уме».

Как-то, с утра, учительница устроила в классе скандал, обвинив всех в воровстве.

– Кто взял кошелёк? – грозно спросила она. – Глаз её задёргался.

Все молчали. Никто не поднимал головы.

– Если никто из не признается, накажу.

Опять тишина.

Затем, сменив гнев на спокойный тон, продолжила:

– Тот, кто это сделал должен понимать, что из-за него может пострадать весь класс.

Выручил звонок на перемену.

– Я сейчас выйду, а вы положите кошелёк на мой стол, - повысив повторно голос, произнесла Нина Сергеевна и вышла с кабинета, хлопнув дверью.

После её ухода все стали переглядываться друг на друга, задавать вопросы. Никто не брал.

Я встала и направилась в уборную. В ужасный туалет, без унитазов. На небольшом помосте, выступающем от пола примерно на тридцать сантиметров, находилось пять отверстий, под разный размер.

Зашла, а там Нина Сергеевна штаны снимает, задрав юбку до спины, приготовившись. Ученики в один туалет с учителями ходили, перегородок не было.

Подхожу к последней «дырке» и слышу, как что-то, с шумом, вылетает из штанов учительницы.

Смотрю... а это... кошелек. Тот самый, из-за которого она орала на весь класс. Лицо учительницы мгновенно стало красного цвета. Быстренько схватив свою пропажу, почему-то, засунула её в лифчик.

– Ты ничего не видела. Поняла? – прохрипела она.

– Да, конечно.

Ты же у меня отличница. Правда? – в голосе Нины Сергеевны скользили нотки шантажа.

– Правда.

Неловкая ситуация... Вроде, пришли в туалет и обе, неожиданно, расхотели.

Вышли из уборной, не глядя друг на друга.

Никому долгое время не рассказывала про этот случай. До - тех пор пока не перевелась в четвёртый класс, где Нину Сергеевну сменили уже другие учителя. В спальне, где жило пятнадцать девочек, я вспомнила эту историю.

Хохотали долго.

Шакал

Я сильно пнула футбольный мяч и отбежала в сторону. Мяч, шаркнув по асфальту, ударился в кирпичную стену и отлетел прямо к ногам Серёжки Довлетшина. Удар не получился, и я с досадой выругалась. Эта игра в интернате называлась - «жопа». Если мяч, отбитый соперником, ты не ловишь четыре раза – по количеству букв в слове – то встаёшь к этой самой стене лицом, и все тебя по очереди начинают расстреливать. Мяч был не совсем футбольный, не кожаный, а резиновый, и от этого удары по телу получались больнее.

В этот раз нас собралось пятеро: я, Любка Балябина и трое пацанов, среди которых - Довлетшин, поступивший в интернат год назад. В классе его сразу же все стали бояться и даже не из-за того, что он был второгодником и выглядел для семиклассника слишком взросло, а из-за его жестокости и дерзости. Он мог без причины подойти и ударить школьника, поймать во дворе кошку и долго издеваться над бедной животной с каким-то особым усердием садиста, сорвать урок, уйти на улицу, не предупредив воспитателя. Не в

силах с ним справиться, учителя часто отправляли Довлетшина к директору. Но и в директорском кабинете Довлетшин с полной безнаказанностью лишь нагло ухмылялся в ответ на нравоучения. В интернате предупредили, что в конце года его переведут в другую школу, а до этого приходилось терпеть и подстраиваться. Лично меня сумасбродные проделки Довлетшина не сильно пугали, пожалуй, я единственная кто мог дать отпор, но само присутствие глупого, заносчивого, неуправляемого подростка — раздражало и заставляло ещё больше испытывать отвращение к нему. Довлетшин, взявший на себя роль вожака класса, предлагал «выйти на разборки» за пределы территории интерната и - чтоб без свидетелей. И я всякий раз соглашалась, несмотря на то, что физически он был гораздо сильнее. Широколицый, с выпирающими скулами и узкими глазами, Довлетшин походил на монголо-татар с иллюстрации учебника по истории. В интернате его прозвали шакалом за огромные зубы и опущенные красные дёсна. Рассчитывать на победу в битве с ним было наивно. Я ощущала, как боюсь, до истерики, до паники и поэтому морально готовилась просто выстоять. В этом нет ничего страшного, успокаивала я себя, и становилось нестерпимо мерзко от предчувствия, что и в этот раз он победит.

За Довлетшиным отбивать мяч по очереди должна была Любка. Ей не повезло. Тот ударил во внешний угол стены, и мяч отлетел по кривой траектории. Любка сорвалась с места. Я посмотрела ей вслед – шансов спасти удар - ноль. Так и получилось. Мяч далеко укатился от Любки, и ей пришлось возвращаться. Слышно было её прерывистое дыхание и шмыганье носом. Лоб покрылся крупными каплями пота, и она даже не старалась его смахнуть, а шла, поправляя платье, которое топорщилось в разные стороны. Любка неохотно приблизилась к стене. Довлетшин с удовлетворённым лицом сделал несколько шагов назад, установил на разметке мяч и стал разбегаться.

- Готовь сраку! – выкрикнул он перед ударом и разразился диким гоготом.

Вовка Михайлин и Пашка Плоских захихикали. Всё ж, он для них какой-никакой - авторитет.

Подкрученный мяч пролетел немного выше Любкиной головы, чуть задев правое ухо.

- Не попал, не попал, – обрадовалась Любка и стала приплясывать и выделять различные рожицы.

Довлетшин скривился от злости.

- Я, кобыла, тебя прогну! Будешь ещё пощады просить...

- Закрой рот! – вмешалась я. – Только тронь её.

На всякий случай, сжала кулаки и подошла вплотную к Любке.

Игру прервал пробегающий мимо Сашка Герасимов - оповестил о приближающемся обеде.

- Люб, – позвала я подругу. – Сегодня в меню оладьи.

- Мой последний удар. Пока займи стул. – Любка подошла к мячу.

Занять стул в интернате означало сесть за один стол.

- Сейчас все пойдём. Жрать охота, – басом прогремел Довлетшин. – Давай, Балябина, ударь фирмачок.

Я не стала ждать, махнула рукой и побежала догонять Сашку. Оладьи с повидлом обожала, а игра порядком надоела, тем более так и не удалось осуществить свой замысел - отбить задницу Довлетшину и взять реванш за поражение в кулачных разборках.

Обед закончился, а Любка так и не пришла. Это было странно. Она не могла не явиться, потому что всегда подходила к раздаточной за добавкой. Поесть очень любила. Я ещё раз пристально огляделась: стол, где стояла нетронутая порция Любки, весь был в крошках и налетевших мухах. Неужели так заигралась?

Не было и Довлетшина, и Вовки с Пашкой.

Сунув кусок хлеба в карман платья, я вышла из столовой и направилась через фойе на улицу. Мимо пробежал Серёжка Сапожников, одноклассник. Я только успела крикнуть ему в спину:

- Видел Балябину?

- Говорят в изоляторе.

Серёжка исчез, а я осталась стоять на месте, тревожно размышляя, что же могло с Любкой произойти. И где тогда трое мальчишек?

В интернате можно было пропустить, завтрак, полдник, но ужин с обедом – никогда, иначе придется долго слушать урчание своего желудка.

Подошла к дверям изолятора. Обычно у врача Марьи Михайловны было тихо, но в этот раз из кабинета раздавались громкие голоса взрослых людей. Это явно были не голоса наших учителей и воспитателей. Незнакомцы на повышенных тонах, как бы, допрашивали Марию Михайловну, перебивая друг друга, а та в ответ еле слышно покорно им отвечала. Я напряженно стала прислушиваться. До меня долетали обрывки фраз женщины с низким голосом: «Девочку определим... Мальчишек раскидаем по приёмникам...»

И тут я стала понимать. Случилось что-то серьёзное. Я же оставила Любку с

Довлетшиным. Одну. Тот, видимо, избил её. Пацаны не вмешались. Понятно – боялись.

Я стремительно развернулась и побежала по коридору, который в тот момент казался особенно длинным. Выскочив на улицу, обогнула здание интерната и уже через пару минут очутилась под окнами изолятора. Я не стала звать Любку, вдруг спит или на процедурах, схватила за жестяной карниз и подтянулась, упираясь одной ногой в выступающий кирпич. Сквозь грязное окно, не сразу разглядела свою подругу. Она лежала калачиком, укрывшись одеялом до самой головы, видны были лишь чёрная макушка и пальцы рук, вцепившиеся в подушку. Я тихонько постучала по стеклу. Любка не реагировала. Пришлось сильнее стукнуть. Любка продолжала лежать без движений.

Спрыгнула на землю и поплелась в класс в надежде что-нибудь узнать у ребят. После расспросов, которые ни ничего не прояснили, я осмелилась подойти к Валентине Григорьевне. Выждала, когда воспитательница останется за рабочим столом одна.

- Я Любу видела в изоляторе. Что с ней? – спросила я шёпотом.

Валентина Григорьевна будто не расслышала меня, будто я невидимая и меня рядом нет, резко вскочила, опрокинув стул и, кинулась к Белкову, который пытался отнять у Соколовой Ленки учебник.

Я подошла к окну и села на широкий деревянный подоконник, сдвинув штору на себя — так ограждалась от посторонних, чтобы поразмышлять и побыть в одиночестве. Сосредоточится помешала оса - монотонным жужжанием и стуком от коротких тычков в стекло. Вначале я хотела её прибить, но нахлынувшая внезапно жалость заставила меня открыть форточку и выпустить насекомое на свободу. Теперь мне никто не мешал погрузиться в мысли, не считая галдежа ребят за шторой.

Не успела поджать под себя ноги, как раздалось знакомое жужжание. Оса, вернувшись, а может это и другая, с обратной стороны окна, усиленно стала биться в стекло. Что за день? От недоразумений, происходящих вокруг: исчезновение Любки, странное поведение воспитательницы, приезд незнакомых людей – сознание надрывалось, путались мысли. Я не могла понять череду этих событий и от этого становилось тревожнее. Спустившись с подоконника, вышла из группы и вновь направилась к изолятору, надеясь на то, что возможно на этот раз, что-то разъяснится. Подойдя к кабинету врача, я готова уже была напрямую спросить у Марьи Михайловны о подруге, но дверь оказалась запертой. Зато дверь, за которой находилась Любка была приоткрыта, видимо, забыли запереть. Чуть слышно, на цыпочках, подошла и взялась за ручку. Дверь скрипнула. Я сжалась от ужаса, боясь, что меня обнаружат. Но вокруг была тишина - значит никого. Я смело переступила через порог палаты. Ничего не изменилось с того времени, как я наблюдала за Любкой в окно. Всё та же поза – калачиком и торчащая макушка.

- Люб... — чуть слышно произнесла я, подойдя к кровати.

В ответ молчание. Тогда я медленно потянула одеяло с её головы. Любкино лицо было красным, будто охваченное жаром, губы широко раскрыты и оттуда текли слюни, спускавшиеся прямо на подушку и вся наволочка была мокрой - одним большим пятном. Я тронула подругу за плечо. Она чуть приоткрыла глаза и опять их сомкнула. Попыталась ее растормошить.

«Отпустите, отпустите, не надо!» — закричала неожиданно Любка. Глаза её широко раскрылись, но меня она будто не видела и не узнавала. С отрешённым, направленным в потолок взглядом, она продолжала орать: «Мне больно, не трогайте, больно...»

Я схватила подругу за руку, и в этот момент тело Любки стало выкручиваться и изгибаться влево-вправо, вверх-вниз. Испугавшись, что она упадёт, я села на кровать и упёрлась ладонями в её плечи. Оказалось, это не по силам. Любку корёжило так жутко, что руки мои быстро устали, и мне ничего не оставалось, как налечь на неё всем корпусом. Почувствовала, как в спину мою вонзились её ногти, да так глубоко, что, вскрикнув от боли, я оттолкнулась от Любки и слетела на пол. В этот момент в палату вбежала Мария Михайловна.

- Марш отсюда, — заорала врач, и перескочив через меня, ринулась успокаивать Любку.

Уже у дверей я оглянулась. Мария Михайловна запихивала в рот Любки таблетки.

- Да что с ней? — с надрывом крикнула я, чуть не плача, совсем переставая понимать происходящее.

Почувствовав моё волнение, она, уже смягчившись, сказала:

- Завтра навестишь.

Я не пошла на ужин, аппетита не было, а вечером после отбоя долго не могла заснуть. Ждала завтрашнего дня, чтобы навестить Любку.

За два года нашего знакомства мы никогда не ругались. Я поймала себя на мысли, что ещё ни разу, ни сейчас, ни тогда, не признавалась себе, как дорожу нашей дружбой.

По выходным дням к Любке приезжала мама, тётя Вера, и забирала её. Однажды и меня с собой забрали, и с тех пор я у них гостила неоднократно. Любке отца заменял дядя Вася, муж её мамы. На вид он был тихий дядька, с огромными чёрными, слегка разбавленными белой сединой пышными усами и доброй улыбкой. Он любил с нами, девочками, возиться, устраивал нам весёлые конкурсы и учил стоять на голове. Дядя Вася резко менялся, когда пил. До этого я никогда не видела, как взрослые бурно выясняют отношение и уж тем более дерутся.

Мы с Любкой бегали во дворе дома, играли с другими ребятами, когда из раскрытого окна квартиры слышали пронзительные крики её мамы. Не раздумывая, побежали вверх. В квартире стоял неприятный запах алкоголя, бутылка, уже опустошённая, валялась на полу рядом с тётей Верой, а сама она лежала на спине в расстёгнутом халате и почему-то, как мне помнится, без трусов. Дядя Вася в одной майке и чёрных плавках, больше похожих на трико акробата, сидел сверху на жене и наносил удары кулаком в голову, второй рукой сдавливал шею. Издаваемое им рыканье напоминало мне разгневанного зверя, терзающего свою жертву. Любка кинулась к отчиму и повисла на его спине, но тут же отлетела обратно. Несколько раз она подбегала к дяде Васе остановить драку и каждый раз – безуспешно.

Я стояла посреди комнаты, наблюдая за всем этим ужасом, не смея двинуться ни на шаг. Испуг превратил меня в статую. Жестокая сцена напомнила эпизод пятилетней давности, где вот так же беспомощную, меня избивал Копылов, парень из старшего класса, и я до сих пор будто ощущала физическую боль от его крепких мощных ударов.

Я закрыла уши руками, присела на корточки и закричала. Казалось, меня сейчас разорвёт от собственного крика. Орала так, что из носа полилась кровь. Первым прибежал успокаивать протрезвевший дядя Вася.

- Успокойся. Извини. Успокойся. Ну, успокойся – лепетал он, поглаживая меня по спине трясущимися руками и дыша на меня перегаром.

Любка, хныча, обхватила меня руками и стала осыпать поцелуями. Так она поступала всегда, когда видела мою боль, физическую - будь это мелкая царапина или падения, или душевную - от полученной тройки до обиды на кого-либо.

О драке старались не вспоминать. Дядя Вася, по крайней мере при мне, никогда больше тётю Веру не обижал, а та, как позже Любка призналась, забирала нас двоих из интерната специально для этого, «чтобы тот не распускал руки».

Воспоминания опустошили меня и, наконец-то, появилась тяжесть в глазах и захотелось спать. Оставшуюся часть ночи я провела без сновидений и утро встретила, как мне казалось, разбитой и какой-то потерянной.

Вскочила с постели раньше всех. Девчата ещё мирно сопели, когда я, умытая и расчёсанная, стояла у окна второго этажа и всматривалась в калитку интерната. Марья Михайловна шла неторопливо по левой стороне улицы, держа в руке сумку-саквояж. Она всегда таскала с собой саквояж, набитый не только личными вещами, но и медикаментами. В этот раз мне казалось, что она нарочно медленно шла, но на самом деле, Марья Михайловна всегда так ходила из-за избыточного веса.

Я бросилась на первый этаж. «И почему её Мухой прозвали, если она как черепаха ползёт», - нервничала я у закрытого кабинета. – «Ах да, она же Мухина!».

Появилась врач.

- Здравствуйте! Можно к Любе? – с мольбой обратилась я.

- В больницу твою подружку отвезли, – вставляя ключ в замочную скважину, ответила Мария Михайловна. – Нескоро поправится.

Никто из взрослых так и не объяснил мне, куда делись мальчишки. Они все разом исчезли из интерната в один день с Любой.

И только случайно, в котельной, расположенной на территории школы, куда я бегала подкармливать котят, дядя Боря кочегар в один из вечеров проговорился.

- Одна не бегай. Вашу девчонку уже изнасиловали. На кой надо было ей с пацанами водиться!

- Вы о Любе? – дрожащим голосом спросила его, хотя сразу поняла, о ком речь.

- Откель я знаю. Маня...Глаша... - дядя Боря грязной от мазута рукой провёл по лицу. – Кричала громко. Примчался да поздно. Она одна у труб валялась... мальчишки убежали. Будь они прокляты, дьяволы. Девке жизнь испортили.

Неожиданно стало подташнивать, и не попрощавшись с кочегаром, я вышла на воздух. С жуткой головной болью уселась на маленькую скамейку, что стояла рядом с кочегаркой и облокотилась к холодной каменной стене. Я сделала несколько глубоких вдохов полной грудью.

Наступил вечер. Темень накрыла всю дворовую площадку и горел только над кочегаркой одинокий фонарь, к которому слетались ночные бабочки. В голове проносились ужасные картинки, от которых она ещё больше разрывалась. Я представила Любку, Довлетшина с шакальим оскалом, друзей его, шестёрок, как повалили на землю... Дальше сцена в голове оборвалась и меня вытошнило.

Медленно, придерживаясь за стену, я встала со скамейки и, не понимая зачем, направилась в сторону оврага, к тем самым трубам, к тому самому месту... Ноги, отяжелевшие от слабости, с трудом волочились, но, я упорно продолжала идти, еле различая в темноте дорогу. Прошла мимо той стены, небольшой кирпичной пристройки, где оставила Любку. За стеной тянулись огромные толстые трубы, обёрнутые материалом похожим на фольгу и перекрученные ржавой проволокой. Я никогда не знала для чего эти трубы, просто мы с одноклассниками бегали по ним, а после полдня чесались из-за стекловаты, которая находилась внутри.

Под ногами почувствовала что-то мягкое. Нагнулась чтобы разглядеть. Это была Любкина кофта. Я подняла её и несмело шагнула вперёд. Что я там пыталась увидеть. Воображение опять рисовало картинку с Любкой: как волокут, как отбивается, как насилюют. Вернее, представить само изнасилование я не могла из-за того, что просто не знала, как это, знала лишь – что-то ужасное и непоправимое. Уверена, что Любка отбивалась - сдаться она просто так не могла. Но если бы я тогда не убежала на обед... Если бы я, как последняя дура, не думала о каких-то оладьях, а была рядом с подругой... Этот случай что-то изменил в моей жизни, нет, не в моем настроении и не в моих мыслях, а в той жизни, что происходила вокруг.

Закрапал дождь. Я задрала голову к небу, усыпанному бесчисленными светящимися точками и зажмурилась. Дождь смывает следы. Следы моей ненависти, отчаянья и уныния.

А потом животный страх силой увёл меня оттуда.

Страх слабого, но не трусливого животного, которого вновь победил шакал.